

ПАРТНЕР НА ОДИН СЕЗОН

СОНА СКОФИЛД

Сона Скофилд

Партнер на один сезон

«Автор»

2026

Скофилд С.

Партнер на один сезон / С. Скофилд — «Автор», 2026

Одиннадцать недель. Один контракт. Партнер, которому я больше не верю. Моя студия фигурного катания теряет лед, и на новую площадку нужны деньги, которых у меня нет. Коммерческое шоу готово заплатить достаточно, если я поставлю центральный номер и сама выйду на лед. В паре с Максимом Даниловым. Восемь лет назад он сообщил врачу о травме, которую я скрывала. Возможно, Максим спас мое здоровье. Но он решил за меня, а потом не пришел объясниться. Теперь нас связывают договор, медицинские ограничения и одно правило: ни шага без согласия обоих. На льду Максим соблюдает его безупречно. За пределами катка рабочая близость быстро перестает быть только работой. Я согласилась на партнера до конца сезона. Но никакой контракт не подскажет, можно ли снова довериться человеку, который однажды уже выбрал за тебя.

Содержание

ГЛАВА 1. Уведомление	5
ГЛАВА 2. Двойная ставка	15
ГЛАВА 3. Право остановки	25
ГЛАВА 4. Первый выход	36
ГЛАВА 5. Старый элемент	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сона Скофилд

Партнер на один сезон

ГЛАВА 1. Уведомление

— С первого декабря вечерних часов у вас не будет, — сказал Павел Аркадьевич.

Я посмотрела на расписание, которое принесла ему на согласование. В декабре мы собирались добавить старшей группе еще одну тренировку перед зимним концертом. Я отметила свободное окно в среду, рассчитала доплату и пришла выяснить, можно ли закрепить его до конца сезона.

Вместо моего расписания коммерческий директор «Балтийской арены» положил передо мной уведомление.

На первой странице стояли дата, номер договора и срок освобождения вечернего блока. В приложении мне предлагали понедельник, среду и пятницу с шести пятнадцати до восьми утра. Я сверила часы еще раз. Ошибки не было.

— Наш договор действует до тридцатого ноября.

— Поэтому мы предупреждаем сейчас. По срокам все соблюдено.

— Я не спрашивала о сроках предупреждения. Почему вы не продлеваете блок?

Павел Аркадьевич развернул к себе мое расписание. За два года наших переговоров он ни разу не притворялся, что любит фигурное катание. Ему нравились арендаторы, которые платили вовремя, заранее сообщали о переносах и не спорили из-за пятнадцати минут после заливки. До сегодняшнего дня мы относились к этой категории.

— Хоккейная школа берет двадцать четыре часа в неделю, — ответил он. — Одним договором. Включая дневные окна, которые у нас плохо заполнялись.

— А наши восемь часов вас больше не устраивают?

— Устраивают. Но я не могу отдать один и тот же вечер двум арендаторам.

На стене за его столом висел план занятости обеих площадок. Цветные полосы шли с шести утра до полуночи. Наши часы были отмечены голубым. С декабря почти весь правый край занимал темно-синий блок без промежутков между группами.

— Дайте нам переходный месяц. Декабрь. Дети закончат полугодие, мы проведем концерт и найдем другую площадку.

— Они начинают первого числа.

— Значит, две недели.

— Алина Сергеевна, — Павел Аркадьевич снял очки и положил их на закрытую папку. — Решение принято. Я могу предложить утро. В выходные есть одно окно с семи до восьми, если хоккей не заберет его под сборы.

— Пятилетние дети не приедут к шести пятнадцати.

— Я понимаю.

— Тогда это предложение существует только в приложении.

Он не стал спорить. Я ценила в нем эту черту, хотя сегодня предпочла бы другую: способность отменять уже подписанные решения.

Я взяла приложение и просмотрела его до конца. Ставка за час не менялась до января, дальше арена оставляла за собой право пересмотра. Хранение инвентаря в утренний блок не входило. Наш шкаф у раздевалки требовалось освободить до второго декабря.

— Когда вы подписали соглашение с хоккейной школой?

— В пятницу.

— А со мной встречаетесь в понедельник.

— В пятницу у вас была тренировка. Я не хотел сообщать это у борта.

— Можно было позвонить.

— Можно было. Но договор от этого не изменился бы.

Он сказал правду, и она не принесла никакой пользы.

Я положила рядом обе страницы уведомления.

— Мне нужна заверенная копия и отдельное предложение по всем оставшимся часам, а не только этот вариант. Утро, выходные, малая площадка, разовые окна. С ценами и сроком ответа.

Павел Аркадьевич снова надел очки.

— Сегодня подготовить не успеем.

— Завтра до обеда?

— До конца дня.

— До трех. Мне нужно составить план для пятидесяти четырех учеников и четырех сотрудников.

Он посмотрел на календарь, затем набрал внутренний номер. Пока просил администратора поднять свободные часы декабря, я открыла на телефоне рабочие заметки. Список других арен у меня уже был. Весной мы думали открыть взрослую группу по субботам и искали дополнительный лед, но тогда ни один вариант не подошел по времени. Теперь выбирать предстояло по другому принципу: что позволит студии вообще сохранить расписание.

— Завтра к пятнадцати, — сказал Павел Аркадьевич, закончив разговор. — На почту и в бумаге у администратора.

Я внесла срок в календарь.

— Если у хоккейной школы изменится объем, сначала предложите часы нам.

— Это могу записать.

— Запишите в письме.

Он коротко усмехнулся, но открыл новый документ.

Мне не требовалось, чтобы он считал меня приятным человеком. Мне требовались дата, подпись и возможность доказать, о чем мы договорились.

В коридоре было холоднее, чем в его кабинете. Дверь к служебной лестнице не закрывалась плотно, и с площадки тянуло воздухом после заливки. Я остановилась у окна между этажами и набрала первый номер из списка.

На «Петроградском льду» вечер был расписан до конца мая. Администратор предложила вторник в десять утра и воскресенье после девяти вечера. Я поблагодарила и вычеркнула площадку.

Вторая арена находилась за КАД. У них освобождались четыре часа по субботам, но дорога от ближайшего метро занимала еще сорок минут на автобусе. Для взрослых это было неудобно. Для семей с маленькими детьми — почти бесполезно.

В «Северном катке» мне ответили после третьего гудка.

— Коммерческий отдел, Олег Николаевич.

Я представилась и назвала нужный объем: восемь часов льда в неделю, преимущественно после семнадцати, с возможностью использовать зал для общей подготовки.

— На какой срок?

— С первого декабря минимум на год.

— У нас освобождается блок в малой арене. Понедельник и среда вечером, пятница с шестнадцати, два окна в выходные. Но мы сейчас собираем предложения.

— Когда можно посмотреть площадку и расписание целиком?

— В среду. Одиннадцать тридцать или после шестнадцати.

В среду в одиннадцать у меня была взрослая группа, которую могла принять Ирина. Передавать тренировку без объяснений не хотелось, но ждать вечера означало дать другим арендаторам полдня преимущества.

— Одиннадцать тридцать.

— Пришлите карточку организации, число групп и желательный срок договора. После встречи дадим коммерческое предложение.

— Какой порядок входного платежа?

— Обеспечительный платеж и предоплата. Сумма зависит от окончательного блока.

— Мне нужен хотя бы диапазон.

Олег Николаевич назвал нижнюю границу. Я записала ее дважды: сначала цифрами, потом словами, чтобы не решить позднее, будто ошиблась на один ноль. Верхнюю он отказался обсуждать без графика и документов.

— До какого срока вы готовы держать часы после встречи?

— Сначала посмотрим, что вам подойдет. Пустой лед мы до декабря держать не будем, но можем оформить предварительное соглашение.

— Что потребуется для соглашения?

— Это обсудим в среду.

Он говорил спокойно и не обещал мне ничего лишнего. Для первого разговора это было полезнее скидки, которой пока не существовало.

Я отправила документы прямо с лестницы. Связь работала плохо, письмо ушло со второй попытки. В календаре появилось новое событие: «Северный каток, среда, 11:30». Под ним я поставила напоминание собрать платежи, удержание учеников и максимальную ставку за час.

На первом этаже Лида раскладывала на стойке продленные абонементы. В начале месяца родители подавали заявления на следующий учебный блок, и она готовила дополнительные соглашения сразу на три месяца. На верхнем листе я увидела фамилию Крыловых и декабрьскую дату.

— Лида, останови пока все продления после тридцатого ноября.

Она подняла голову.

— Почему? Я уже распечатала двенадцать.

— Потому что декабрьское расписание еще не утверждено.

— Павел Аркадьевич опять тянет с часами?

Сказать «да» было бы проще. Вопрос расписания действительно зависел от аренды, и до завтрашней встречи с командой оставалось меньше суток. Но тогда Лида продолжила бы готовить документы, полагая, что мы спорим из-за одного окна.

— Наш вечерний блок не продлили. Завтра в восемь тридцать я все объясню. Сейчас не выдавай соглашения и не принимай оплату за декабрь.

Лида медленно опустила степлер.

— Совсем не продлили?

— Совсем. Я уже договорила о просмотре другой площадки.

— А родители знают?

— Нет. Сначала сотрудники. Потом родители, когда у меня будут условия новой аренды.

Она посмотрела на стопку перед собой. Для меня каждый лист означал одну строку будущей выручки. Для Лиды — работу, которую придется отменить, проверить и, возможно, выполнить заново.

— Мне их убрать или уничтожить?

— Убери в нижний ящик. Если адрес и цена изменятся, эти формы все равно не подойдут. Я пришлю новый шаблон после решения.

— Хорошо. Только скажи Ксении сама. Она полчаса назад просила добавить в договоры среду.

— Скажу утром.

Лида постучала пальцем по верхнему листу.

— Крыловы сегодня спросят. Они всегда проверяют договор до тренировки.

— Если спросят, отправь их ко мне.

— А что ты им скажешь?

Я посмотрела на часы над турникетом. До выхода группы оставалось шестнадцать минут.

— Что декабрьские часы пока не подтверждены и деньги мы не принимаем.

— Это правда, но не вся.

— Вся подтвержденная часть, которая касается их платежа сегодня.

Лида ничего не ответила. Она собрала соглашения, выровняла стопку о край стойки и убрала ее в ящик. Отказ от двенадцати оплат был первым действием, которое нельзя было спрятать внутри моей таблицы. К вечеру родители заметят задержку, а к концу недели начнут сравнивать версии.

До начала младшей группы оставалось четырнадцать минут.

Я убрала уведомление в папку, спустилась к раздевалкам и встретила у входа Соню Крылову. Она сидела на скамейке в одном коньке и пыталась затянуть шнуровку второго, не снимая варежек.

— Соня, ты сейчас порвешь петлю.

— Папа завязал узел.

— Тогда варежки точно не помогут.

Она стянула их зубами. Я присела перед ней, проверила узел и нашла конец шнурка под языком ботинка.

— Папа старался, — сказала Соня.

— Это видно.

— Очень старался.

— Это тоже.

Я распустила узел и отдала шнурок ей. В двенадцать лет Соня умела завязывать коньки быстрее большинства родителей, но сегодня молча протянула ботинок мне.

— Сама, — сказала я. — Через две минуты у борта.

Она состроила недовольное лицо, но сняла вторую варежку.

На лед вышли девять человек. Двое опоздали из-за ремонта на проспекте, одного привела бабушка и долго объясняла администратору, почему у них нет справки после болезни. Обычный понедельник состоял из десятков мелких задержек, которые не должны были менять тренировку для остальных.

Я поставила группу на разминочные круги и проверила покрытие вдоль дальнего борта. После машины там оставалась узкая влажная полоса. Мы начали с другой стороны, а через семь минут вернулись к полному рисунку.

— Колени работают, плечи не помогают вам ехать, — сказала я, когда дети выстроились на первый заход. — Соня, покажи дугу.

Она оттолкнулась слишком сильно и сразу потеряла скорость на входе.

— Еще раз. Не пытайся выполнить весь элемент первым толчком.

Со второй попытки она распределила усилие лучше. Я подняла руку, останавливая следующую девочку.

— Видели разницу? Она не стала сильнее за двадцать секунд. Она перестала торопить начало.

Дети повторили упражнение по одному. Я считала ошибки, переставляла метки, останавливала тех, кто заходил близко к влажному участку. В первые пятнадцать минут уведомление лежало в папке у меня в офисе и никак не влияло на лед. Потом я посмотрела на часы над выходом и поймала себя на том, что считаю оставшиеся понедельники.

Двенадцать.

Если исключить последнюю неделю ноября, когда половина родителей уже начнет менять планы, — одиннадцать.

— Алина Сергеевна, я правильно сделала? — спросила Соня.

Я пропустила ее заход. Пришлось попросить повторить.

Она не удивилась, но я отметила ошибку. На работе я требовала внимания не потому, что считала себя безупречной. Рядом с движущимися детьми чужая рассеянность быстро становилась общей проблемой.

На следующем круге Тимур пошел в обгон перед самой меткой. Соня уже входила в дугу, и ему пришлось резко уйти к борту. Я остановила музыку.

— Все ко мне.

Девять человек собрались у синей линии. Тимур держался с краю и старательно не смотрел в мою сторону.

— Что сейчас произошло?

— Я хотел успеть до Сони, — сказал он.

— Зачем?

— Она медленно ехала.

— Поэтому ты пересек ее траекторию?

— Я думал, успею.

— На общем льду мы не проверяем такие мысли чужим падением. Если человек уже начал заход, вы ждете.

— Но я же не задел.

— Потому что Соня изменила свою дугу. Теперь она повторит элемент, а ты пропустишь один круг и согласишься, где заканчивается ее путь.

Тимур открыл рот, но спорить не стал. Я поставила Соню на прежнюю метку.

— Тебе не нужно уходить к борту раньше времени, если кто-то нарушил порядок. Сигнал подаешь голосом, дальше отвечаю я.

— А если он меня не услышит?

— Тогда уходишь с траектории. Сначала безопасность, потом разбираемся, кто был прав.

Она повторила заход. Тимур смотрел с борта, потом назвал точку, в которой мог выйти следом без пересечения. Я вернула его в группу.

Такие остановки отнимали у занятия три или четыре минуты. Родители иногда считали их потерянным временем, потому что дети в этот момент стояли. Я считала иначе. Элемент можно было доработать на следующей тренировке. Привычка ехать через чужую траекторию закреплялась быстрее.

Когда я снова включила музыку, Ксения вышла из служебной двери и подняла папку с планом вечерней группы. Я показала ей, что освобожу лед вовремя. Она ответила жестом и осталась у борта наблюдать последние десять минут.

К концу часа влажная полоса высохла. Мы закончили короткой связкой, которую готовили к декабрьскому концерту. Дети знали первые сорок секунд и спорили, кто будет выходить ближе к центру. Я не стала говорить, что площадки для концерта у нас больше нет. Пока у меня имелись уведомление, один телефонный разговор и встреча через два дня. Это были факты, но еще не план.

У выхода Ксения остановила меня, пока дети надевали защиту на лезвия.

— Лида сказала, декабрьские соглашения пока не выдаем.

— Завтра утром будет встреча.

— Это из-за среды?

— Из-за всего блока. Арена не продлевает его с первого декабря.

Ксения посмотрела на лед. Следующая взрослая группа уже собиралась у калитки, и разговор приходилось вести в проходе, где нас могли услышать.

— После моей тренировки?

— Я останусь. Ирина тоже.

— Ладно. Тогда хотя бы скажи, концерт отменен или перенесен. Мне надо менять связку, если площадка будет меньше.

— Пока не меняй. В среду я смотрю малую арену на другом катке, размеры уточню там.

— Значит, вариант уже есть?

— Есть свободные часы. Условий еще нет.

Она приняла папку под другую руку.

— Я не собираюсь обсуждать это с родителями до общей встречи. Но они услышат от детей, если Соня поймет, что мы с тобой шепчемся у борта.

Соня в это время пыталась застегнуть рюкзак поверх шлема и не обращала на нас внимания. Остальные дети были заняты не лучше. И все же Ксения была права: в тесной раздевалке достаточно одной фразы, чтобы к вечеру получить пять разных историй.

— Завтра договоримся, что именно говорим до общего письма, — сказала я. — Сегодня отвечаем только по оплате: декабрь не подтвержден, деньги не берем.

— Хорошо. Иди, я открою взрослым.

Она вышла на лед, а я поднялась в офис. О решении арены уже знали Лида и Ксения. Завтра узнает вся команда; родители начнут задавать вопросы еще раньше, если заметят остановленные платежи. Люди, чья работа и расписание зависели от меня, имели собственное представление о том, сколько фактов достаточно для разговора.

Комната помещалась между складом инвентаря и служебным входом. Два стола стояли вплотную, поэтому я всегда знала, когда Лида печатает договоры: ее локоть задевал край моего монитора. В понедельник она уходила в семь, и сейчас второй стул был пуст.

Я открыла таблицу бюджета.

Пятьдесят четыре ученика. Четыре группы детей, две взрослые. Восемь часов льда в неделю, зал, зарплаты, налоги, бухгалтерия, страховка. Хороший месяц оставлял запас, которого хватало на срочную заточку прокатных коньков, замену покрытия в зале или одну отменную тренировку. Плохой съедал этот запас и часть моего личного дохода.

На отдельном счете лежали шестьдесят тысяч рублей. Я собирала их на новые маты для общей подготовки. Теперь маты могли подождать.

Я подставила в таблицу нижнюю границу, которую назвал Олег Николаевич. Даже без обеспечительного платежа расходы росли. Если новая арена окажется дальше от метро, часть семей уйдет. Если занятия станут дороже, уйдет другая часть. Сократить лед означало поставить по двенадцать детей туда, где безопасно работали восемь или девять. На этом варианте я поставила красную отметку и закрыла столбец.

Я сделала еще три расчета.

В первом мы сохраняли все группы, но переносили пятничный лед на шестнадцать часов. Для младших это подходило, старшие не успевали после школы. Во втором взрослые занимались только по выходным, и выручка снижалась почти на треть: часть людей покупала абонемент именно ради буднего вечера. В третьем я объединяла две детские группы. Таблица показывала экономию, а я видела пятнадцать человек разного уровня на одном участке и двух тренеров, которым придется делить внимание между базовыми шагами и двойными прыжками.

Третий расчет я не сохранила.

Можно было поднять цену. На тысячу рублей для каждого ученика — и получить еще пятьдесят четыре тысячи в месяц при полной оплате. Только полной оплаты после переезда не будет. Даже семьи, готовые ездить на другой конец города, имели право отказаться от

новой стоимости. Поднимать цену до точного предложения арены означало заставить родителей оплачивать мою неизвестность.

Я внесла в отдельную строку возможный уход десяти процентов учеников, затем двадцати. При втором варианте студия не закрывалась сразу, но два месяца подряд требовали денег извне. Шестьдесят тысяч на счете давали мне время, а не решение.

Кредитный калькулятор банка предложил ставку, после которой студия должна была работать ради ежемесячного платежа. Я сохранила расчет, но не стала заполнять заявку. Кредит был вариантом только вместе с подтвержденным новым договором и понятной выручкой. Сейчас у меня не было ни первого, ни второго.

В дверь постучали два раза, и Ирина вошла, не дожидаясь приглашения. Она сняла куртку после своей тренировки, но волосы у висков еще были влажными.

— Ты просила данные по взрослой группе, — сказала она и положила на стол распечатку. — За август осталось двадцать два человека. Трое хотят перейти на два занятия в неделю, если дадим вечер среды.

— Среды не будет.

Ирина не села.

Я достала уведомление из папки и подвинула к свободному краю стола. Она прочитала первую страницу, затем приложение. На утренних часах задержалась дольше, чем я.

— Это окончательно?

— Вечерний блок отдали хоккейной школе. Договор подписан в пятницу.

— А нам сказали сегодня.

— Да.

— Когда ты собиралась сказать мне?

— Сейчас. Поэтому и попросила зайти.

Ирина положила страницы точно друг на друга.

— Ксения знает?

— Я сказала ей у борта. Она знает только про вечерний блок и встречу в среду.

— Лида?

— Тоже знает. Я остановила декабрьские платежи.

— Родители?

— Пока нет.

Она села на второй стул и отодвинула клавиатуру, чтобы освободить место для локтей.

— Что у нас есть кроме утра?

Я рассказала о трех площадках и встрече в среду. Ирина слушала, иногда смотрела в мой расчет. Когда я дошла до нижней границы входного платежа, она взяла ручку и записала сумму на своей распечатке.

— Это только минимум?

— Да. Точную сумму дадут после встречи.

— Значит, мы пока не знаем ни цену, ни полный график, ни дорогу.

— Именно поэтому я не хочу собирать людей и сообщать им, что студия закрывается.

— А я не предлагала сообщать, что она закрывается.

— Если дать родителям половину информации, они дополнят вторую сами.

— Они все равно ее дополнят. Только без нас.

За стеной включили музыку. Ксения начала вечернюю взрослую группу с разминки у борта. Бас проходил через перегородку ровными ударами, и нам приходилось говорить чуть громче обычного.

— В пятницу я соберу сотрудников, — сказала я. — К этому времени будет предложение «Северного катка» и ответ «Балтийской арены» по остаточным часам. Родителям сообщим после команды.

— Почему в пятницу?

— Потому что в среду встреча. В четверг я сведу бюджет.

— Ксения завтра будет планировать декабрьские группы. Лида работает с продлениями. Им нужны не две фразы у борта, а весь разговор.

— До завтра они знают, что делать. Полного ответа у меня пока нет.

Ирина выпрямилась.

— Ты опять решила, что взрослым людям можно сообщать проблему только вместе с готовым решением.

Словом «опять» Ирина напомнила мне случай трехлетней давности. У нас сорвалась летняя площадка, и я две недели искала замену, прежде чем сказала сотрудникам. Тогда все закончилось удачно: мы переехали в соседний зал и не отменили сборы. После переезда Ирина говорила только о тех двух неделях, в течение которых соглашалась на даты, уже переставшие существовать.

— Завтра утром я скажу Ксении и Лиде лично, — ответила я. — Родителям — после предложения арены. До пятницы.

— Всем родителям одновременно. Не тем, кто громче спрашивает.

— Да.

— И без формулировки «все под контролем».

— Я никогда так не говорю.

— Ты говоришь: «Я занимаюсь вопросом». Для тебя это означает то же самое.

Я закрыла банковский расчет. Спорить о значении одной фразы было удобно. Отвечать на то, что Ирина имела в виду, — сложнее.

— Я занимаюсь вопросом, — сказала я. — Но завтра команда узнает факты.

Ирина посмотрела на меня, потом собрала свои листы.

— В среду я возьму взрослую группу. Пришли мне план занятия до вторника.

— Спасибо.

— Это моя работа, Алина.

— Я знаю.

— Иногда я сомневаюсь.

Она надела куртку и вышла. Я не остановила ее. У нас не было времени превращать рабочее возражение в разговор о дружбе. Ирина согласилась заменить меня в среду и потребовала сообщить команде правду. Оба ее решения были разумными, даже если второе мне не нравилось.

Я открыла новое письмо и написала Ксении с Лидой, что завтра в восемь тридцать будет короткая встреча по декабрьскому расписанию. Причину в письме не указала: она занимала четыре строки, к которым требовались вопросы и ответы. Затем создала документ для родителей. Внесла только подтвержденное: дата окончания текущего блока, наличие переговоров с другой площадкой, срок следующего сообщения. Сохранила черновик и закрыла.

Через минуту в дверях появилась Ольга Крылова, мать Сони. В руке она держала декабрьское соглашение, которое успела забрать в пятницу до того, как я остановила продления.

— Лида сказала, оплату пока не принимать, — произнесла она. — В договоре ошибка?

Я предложила ей сесть. Она осталась у двери.

— Ошибки в сумме нет. Арена не продлила нам вечерние часы после тридцатого ноября. Поэтому этот документ подписывать нельзя.

— Совсем не продлила?

— Совсем.

Она раскрыла соглашение на странице с расписанием.

— Вы же весной говорили, что будете работать здесь весь учебный год.

— Весной у меня были предварительные условия. Основной договор аренды заканчивается в ноябре. Сегодня я получила письменный отказ в продлении.

— И что теперь?

— В среду смотрю другую площадку. Еще по нескольким жду свободные часы. До конца недели сообщу адрес, график, цену и варианты возврата тем, кому переезд не подойдет.

— А концерт?

— Решения пока нет. Текущие занятия до тридцатого ноября идут по расписанию.

Ольга положила соглашение на край стола.

— Соня готовит сольный номер. Если концерта не будет, ей надо знать сейчас.

— Ей нужно продолжать готовить программу для тренировки. Концерт может пройти на другой площадке или в другом формате. Обещать дату до договора я не стану.

— Вы все это говорите очень спокойно.

— Если я начну говорить громче, свободного льда в городе не станет больше.

Она посмотрела на меня так, будто решала, считать ли этот ответ грубостью. Я могла смягчить его, сказать, что понимаю тревогу и сделаю все возможное. Первая часть была верной. Вторая не содержала ни срока, ни действия.

— Завтра я встречаюсь с командой, — добавила я. — После этого разошлю родителям первое сообщение. Следующее будет не позднее пятницы, даже если переговоры не закончатся.

— А если новая арена окажется далеко?

— Тогда вы сможете прекратить занятия с декабря и получить возврат за неиспользованный остаток. Удерживать семью измененным адресом я не буду.

— Соня не захочет уходить.

— Это не обязывает вас соглашаться на любую дорогу.

Ольга села. Ее вопрос касался не только маршрута. Два года назад Соня пришла к нам после школы, где полгода провела на краю группы. Она умела выполнять элементы, но каждый раз спрашивала, имеет ли право повторить попытку. Первые месяцы мать ждала у стекла все занятие. Теперь приезжала только к окончанию, и я считала это хорошим признаком.

— Если группа распадется, вы сохраните ей место? — спросила Ольга.

— Если будет площадка и подходящий уровень — да. До договора я не могу обещать конкретный час.

— То есть никаких гарантий.

— Гарантия сейчас одна: до первого декабря мы работаем здесь по действующему договору. Остальное будет зависеть от условий, которые я еще не получила.

Она забрала неподписанное соглашение.

— Пришлите письмо до того, как дети начнут пересказывать разговор.

— Пришлю.

— И не пишите, что занятия просто переносятся. Пока вы не знаете, переносятся ли они.

Я кивнула. То же требование Ирина сформулировала жестче. Ольга сказала его как человек, который собирался принять решение за свою семью и не хотел получать вместо фактов мое успокоение.

Когда она ушла, я открыла черновик для родителей и убрала фразу «студия продолжит работу на новой площадке». Вместо нее написала: «Мы ведем переговоры о вечернем блоке с 1 декабря. Договор не заключен». Добавила дату следующего сообщения и адрес для заявлений на возврат. Черновик стал менее обнадеживающим и более точным.

Музыка за стеной остановилась. Через несколько минут взрослые начали выходить в коридор, переговариваясь о тренировке. Я дождалась, пока пройдет последняя группа, и вернулась к таблице.

В восемь двадцать семь рабочая почта обновилась.

Тема верхнего письма: «Заявка на постановку центрального номера».

Отправитель — компания «Северная сцена».

Шесть недель назад я отправила им эскиз дуэта для нового шоу «Город в движении». Поставить номер собиралась для двух приглашенных артистов. Гонорар должен был пополнить резерв студии, а фамилия в программе — привести новых взрослых учеников. После месяца молчания я перенесла заявку в папку с отказами без ответа и перестала учитывать ее в планах.

Теперь продюсер Вера Ланская приглашала меня на встречу во вторник, в десять утра.

В письме было три предложения. В первом она благодарила за ожидание. Во втором подтверждала интерес к концепции. В третьем просила выделить два часа, потому что хотела обсудить «расширение моей роли в постановке».

Я проверила адрес, дату отправки и подпись. Потом открыла календарь.

До утра вторника оставалось тринадцать часов. До конца нашего вечернего льда — одиннадцать недель и шесть дней.

Я подтвердила встречу.

ГЛАВА 2. Двойная ставка

К восьми тридцати во вторник в офисе «Линии» собрались четверо. Ксения принесла с собой термос, Лида — двенадцать остановленных соглашений, Ирина села у двери и положила телефон экраном вниз. Я раздала копии уведомления.

— Вечерний блок заканчивается тридцатого ноября, — сказала я. — «Балтийская арена» подписала годовой договор с хоккейной школой. Сегодня до трех они должны прислать все свободные часы декабря. Завтра я смотрю другую площадку.

Ксения дочитала приложение раньше Лиды.

— Шесть пятнадцать утра? Они серьезно?

— Часы свободны. С точки зрения арены предложение существует.

— С точки зрения моих групп оно существует в другой стране.

— Поэтому я его не считаю основным.

Лида подняла верхнее соглашение.

— Что отвечать тем, кто уже оплатил октябрь и ноябрь сразу? Они спросят, возвращаем ли деньги.

— До конца ноября расписание сохраняется. За декабрь мы ничего не принимали. Если семья решит уйти раньше, действуют обычные условия возврата. Отдельных штрафов за это не будет.

— А если новая площадка окажется дороже? — спросила Ксения.

— Пересчитаем после предложения. До точной суммы цену абонемента не меняем.

Ирина молчала. Вчера она требовала разговора; сегодня ждала, что я сделаю с его последствиями.

— Когда сообщаем родителям? — спросила Лида.

— Не позднее пятницы. Раньше, если завтра получу все условия. Письмо уйдет одновременно всем. До этого вы отвечаете одинаково: текущая арена прекращает вечернюю аренду с декабря, мы ведем переговоры о другой площадке, декабрьскую оплату не принимаем.

— Они попросят адрес, — сказала Ксения.

— Скажем, что адрес появится после предварительного соглашения.

— А если соглашения не будет?

Я посмотрела на лист с утренними часами.

— Тогда у нас останутся три площадки с неудобным временем и задача собрать из них временное расписание. Но сейчас основным вариантом я занимаюсь завтра.

Ксения отвинтила крышку термоса, но пить не стала.

— У меня договор до конца декабря. Если вечерних тренировок не будет, сколько часов ты сможешь мне дать?

Ответа у меня не было. Ее договор предусматривал минимальную оплату только до конца текущего блока. Все дополнительные часы зависели от расписания, которое я собиралась сохранить.

— По худшему из расчетов — половину нынешнего объема. По рабочему — весь объем с переносом пятницы. Точно отвечу после новой арены.

— Когда?

— В четверг вечером.

Она записала дату на полях уведомления.

— Хорошо. До четверга я другие предложения не принимаю. Потом мне нужна цифра. Это звучало справедливо. Мне все равно не понравилось.

Лида спросила о декабрьском концерте, Ирина — о размерах малой площадки. На два вопроса из пяти я ответила фактами, на остальные дала срок. К девяти встреча закончилась.

Ксения забрала свой лист, Лида — соглашения, которые теперь требовалось пометить в реестре как невыданные.

Ирина задержалась.

— Так лучше, — сказала она.

— Для кого?

— Для Ксении, которая теперь знает, когда начинать искать другие часы. Для Лиды, которая не продаст то, чего у нас нет. Для тебя хуже.

— Я заметила.

— Куда ты сейчас?

— На встречу по постановке.

— Та заявка в ледовое шоу?

— Ответили вчера. Возможно, только поздний отказ.

— Ты поэтому в пальто, которое не держишь в шкафу у арены?

Я посмотрела на рукав. Пальто было обычным темно-синим, но Ирина видела меня на работе почти каждый день и знала весь мой набор одежды лучше, чем я хотела бы.

— Я поэтому без спортивной сумки.

— Конечно.

Она подвинула к себе расписание взрослой группы.

— Пришли мне план на завтра до вечера. И не соглашайся на работу, пока не увидишь договор.

— Я не подписываю договоры на встречах.

— Знаю. Хотела сказать что-нибудь полезное.

— Возьми в среду первые три захода с правого ребра. Полезнее не будет.

Ирина улыбнулась и открыла ноутбук. Разговор был закончен.

Офис «Северной сцены» занимал второй этаж бывшего производственного корпуса. На первом работали мастерская декораций и прокат оборудования; у грузового входа двое мужчин разгружали металлические рамы. Я приехала за девять минут до встречи, показала паспорт охране и поднялась по лестнице.

В приемной стояли макеты прошлых постановок. Я узнала три, но рассматривать не стала. Администратор попросила подождать и через минуту провела меня в переговорную со стеклянной стеной.

Вера Ланская уже открыла мою заявку на большом экране. Рядом лежала распечатка с пометками на полях.

— Алина Сергеевна, доброе утро. Простите, что отвечали дольше обещанного.

— Вы не обещали срок.

— Значит, предусмотрительно избавили себя от нарушения.

Она показала на стул. Ей было около пятидесяти; позже я узнала точный возраст, но в тот день заметила только короткую стрижку и красный карандаш, которым она перечеркивала целые такты в моей схеме.

— Я прочитала замечания, — сказала я, садясь. — Вы убрали вступление.

— Двадцать восемь секунд, за которые зритель не понимает, зачем на льду два человека.

— Они выбирают направление.

— Вы это знаете, потому что придумали номер. В дальнем секторе увидят двух артистов, которые медленно расходятся.

— При полном свете или с рисунком?

— Пока при полном. Свет еще в работе.

Я открыла свою копию заявки. Вера не тратила первые минуты на любезность и не называла идею блестящей. Это позволяло сразу выяснить, зачем меня пригласили.

— Если убрать вступление, смена ведущего появится без подготовки.

— Ее можно перенести. Вот сюда.

Она включила короткий музыкальный фрагмент и остановила на первой смене темы. Решение было очевидным, но не бессмысленным. Я отметила время.

— Тогда придется менять рисунок ансамбля перед дуэтом.

— Придется. Режиссер готов обсуждать, если центральный номер получит понятную историю.

— В заявке она есть.

— Для хореографа. Мне нужна история, которую можно продать в двух предложениях.

— Два человека учатся отдавать друг другу ведение.

— Это одно предложение. Второе: почему зритель должен смотреть именно на них?

— Потому что они хорошо работают.

Вера положила карандаш на стол.

— Вы всегда отвечаете рекламному отделу так, будто он лично испортил вам музыку?

— Только когда отдел предлагает заменить постановку биографией артиста.

— Пока он ничего не предлагал. Предлагаю я.

Она открыла следующий файл. На экране появилась таблица с этапами подготовки: постановочный план, первые прогоны, закрытый показ двадцать восьмого сентября, технические репетиции, премьера двадцать первого ноября. Работа над шоу началась летом. Музыка, ансамбль и декорации существовали отдельно, а центральный дуэт до сих пор оставался пустым местом в расписании.

— Мы рассмотрели восемь заявок, — сказала Вера. — В трех были готовые пары, в двух — сильные исполнители без постановочной мысли. У вас есть мысль, профессиональный опыт и способность довести ее до сцены. Поэтому базовое предложение — постановка номера.

Она вывела на экран общий порядок шоу. «Город в движении» начинался с большого ансамбля, затем расходился на отдельные истории: семья, работа, одиночество среди людей, возвращение домой. Мой дуэт стоял после антракта и должен был изменить темп второй части. До него герои постановки двигались каждый по своему маршруту. После — учились замечать других.

— Вы ставите на номер смысловой поворот, но держали место пустым до сентября, — сказала я.

— Весной там был другой эпизод. Режиссер его снял.

— Почему?

— В нем восемь минут красиво страдали люди, у которых не было причины находиться рядом. Зритель не обязан терпеть плохую драматургию из уважения к костюмам.

— И теперь вы хотите бывшую пару, у которой слишком много причин.

— Я хочу, чтобы исполнители понимали разницу между поддержкой и переносом веса, между ведением и перетягиванием партнера. Личная история дает рекламе материал. Профессиональная история дает нам шанс успеть.

— А если личная история мешает работе?

— Тогда вы отказываетесь. Или ставите номер другим людям за базовый гонорар.

Вера не обещала, что сцена вылечит прошлое. Она предлагала два договора с разной ценой и разным риском. Это было жестче красивых слов и честнее их.

В нижней строке стояло триста восемьдесят тысяч рублей до налога.

Месяц назад эта сумма показалась бы удачной. Она покрывала часть резерва и давала студии запас. После вчерашнего звонка в «Северный каток» цифра означала, что до нижней границы входного платежа все равно не хватит нескольких сотен тысяч.

— Четыре этапа? — спросила я.

— Три. План, закрытый показ, премьера. Репетиционные часы оплачивает производство.

— Права на запись?

— В проекте договора. Срок использования и перечень площадок тоже.

— Кто исполняет?

Вера переключила таблицу. На экране появилась другая сумма — один миллион шестьсот двадцать тысяч.

— Это расширенное предложение. Совместная постановка и исполнение центрального дуэта.

Вера открыла приложение с занятостью по неделям. Цветом были выделены часы, на которых требовалось мое присутствие: медицинский допуск, четыре постановочных льда, сухие репетиции, закрытый показ, два технических прогона и премьеры. Остальные окна допускали работу второго автора без меня.

— Этот график уже согласован с площадками? — спросила я.

— Лед подтвержден. Время ансамбля тоже. По сухому залу возможны сдвиги в пределах дня.

— «В пределах дня» означает, что я не смогу поставить тренировки до и после.

— Поэтому в смете есть оплата исполнительской занятости.

— Она не вернет мне учеников, если я отменю им занятия.

— Производство не может отвечать за ваш второй бизнес.

— Тогда не называйте эти часы компенсацией моих потерь. Это цена работы в шоу.

Вера кивнула и исправила название строки на экране. Из «компенсации графика» она сделала «исполнительский гонорар». Сумма не изменилась, но формулировка больше не создавала обязательства, которого компания не собиралась выполнять.

Я выписала даты, пересекавшиеся со студией. В сентябре их было две, в октябре — пять. Премьерная неделя забирала почти все вечера. Ирине и Ксении пришлось бы передать мои группы, а их часы тоже стоили денег. Я прибавила замены к расходам, затем вычла налог. Даже в осторожном расчете расширенный вариант позволял закрыть входной платеж новой арене. Базовый — нет.

— Если медицинский допуск будет только на часть нагрузки, что происходит с суммой? — спросила я.

— Зависит от того, можно ли собрать номер в пределах ограничений. Если можно, контракт остается. Если вы не можете выступать, действует постановочный вариант. До заключения врача публикаций не будет.

— Кто оплачивает уже выполненную подготовку, если меня снимают после первого этапа?

— Принятый этап оплачивается. Следующий не возникает. Это должно быть в проекте.

— Должно быть или есть?

— Через час увидите.

Я отметила вопрос. Условия звучали разумно только до первого документа. В устном разговоре никто не спорил о праве получить деньги за принятую работу. Споры начинались в формулировках о результате, который компания могла признать неподходящим.

— Почему сумма увеличивается больше чем в четыре раза? — спросила я. — Исполнитель получает отдельный гонорар, но разница слишком велика для десяти минут на льду.

— Четыре минуты двенадцать секунд, — поправила Вера. — И разница включает не время номера. Она включает эксклюзивность на период проекта, репетиционную занятость, использование образа в согласованной рекламе и риск замены. Кроме того, два известных исполнителя в центральном дуэте влияют на стоимость партнерского пакета.

— Я не известный исполнитель. Моя последняя афиша вышла восемь лет назад.

— Вас помнят достаточно, чтобы возвращение имело рекламную ценность. Недостаточно, чтобы оно продало шоу без сильного номера. Для нас это подходящее соотношение.

Мне не понравилась точность ее ответа. Она не пыталась польстить. Мое возвращение было строкой в финансовой модели: не главной, но дорогой.

— Если я отказываюсь от биографического продвижения, сумма меняется?

— Нет, если вы разрешаете использовать имя, текущие фото и процесс репетиций. Интервью о личной истории не входит в обязательный пакет. Архив надо обсуждать отдельно.

— А если второй исполнитель дает такое интервью без меня?

— Он говорит от своего имени. Компания не публикует вашу позицию и не использует ваш образ без основания. Но запретить человеку отвечать на вопросы о собственной жизни я не могу.

— Тогда мне нужен порядок согласования материалов, где наши имена стоят рядом.

— Запишем в протокол замечаний.

Она создала отдельную колонку и внесла мой запрос. В переговорах легко было принять запись за согласие. Я поставила рядом пометку: проверить текст договора.

— Кто второй автор? — спросила я. — И почему он уже предварительно согласован до разговора со мной?

Вера не открыла фамилию сразу.

— Потому что у него есть опыт постановки парных номеров и свободные даты. Потому что вы уже работали вместе. Я предложила ему ознакомиться с концепцией после внутреннего отбора.

— Вы рассматривали других?

— Двух. У одного гастроли до середины октября. Второй готов исполнять, но не вести постановку. Для вашей схемы нам нужен человек, который принимает авторские решения на льду, когда вы заняты студией.

— То есть его выбор нужен вам для срока.

— Для срока и результата. Реклама получает из него дополнительную ценность, но не определяет техническую пригодность.

Я не сразу ответила. Сравнила этапы, число репетиций и даты. Сумма не была ошибкой: четверть после плана и допуска, четверть после закрытого показа, половина после премьеры.

— Вы читали мою биографию.

— Разумеется.

— Тогда знаете, что я восемь лет не выступаю.

— Вы восемь лет не выходите в коммерческих постановках. Кататься не перестали, работаете на льду пять дней в неделю. Видеозаписи вашей студии открыты.

— Тренировка детей и центральный номер большого шоу — разные нагрузки.

— Поэтому предложение начинается с обследования, а не с афиши.

— Почему я?

— Потому что вы написали номер под механику, которую знаете сами. И потому что второй автор уже работал с вами.

На экране под моей фамилией появилась фамилия Максима Данилова.

Я прочитала ее один раз. Больше в таблице ничего не изменилось.

— Нет.

Вера не стала убеждать меня, что я отвечаю слишком быстро.

— Как хореограф или как исполнитель?

— В паре с ним.

— Постановочное предложение остается.

— Кто отправил ему мою заявку?

— Я. После внутреннего отбора. Название проекта и краткую концепцию, без ваших финансовых условий.

— Вы решили, что бывшая пара даст вам второе рекламное предложение.

— Я решила, что два человека с общим техническим опытом подготовят сложный дуэт быстрее случайно собранной пары. Рекламная ценность тоже есть. Я не буду притворяться, что ее нет.

— Он согласился?

— Обсудить. Не подписать.

Я закрыла свою копию заявки. Фамилия на экране оставалась частью таблицы: обычный шрифт, черные буквы, соседняя строка бюджета. Восемь лет назад я удалила номер Максима, архив нашей переписки и папку с совместными фотографиями. Сейчас оказалось достаточно одного рабочего файла, чтобы он снова появился в моем расписании.

— Другой партнер, — сказала я. — Без истории в рекламе.

— Тогда мы проводим кастинг, берем исполнителя по отдельному договору, а ваше предложение возвращается к постановочному гонорару. За сценическое возвращение без понятной пары производство не заплатит эту сумму.

— То есть вы покупаете не исполнение, а прошлое.

— Мы покупаем центральный дуэт, который можно подготовить за десять недель и представить публике. Ваше прошлое снижает часть производственного риска и повышает интерес. Оно не дает нам права использовать травму или личную жизнь без согласования.

— Это написано в договоре?

— Вы его еще не видели.

— Поэтому спрашиваю.

Вера встала и подошла к двери.

— Максим здесь. Я пригласила его к одиннадцати, чтобы не пересказывать ответы между двумя взрослыми людьми. Он войдет, только если вы готовы продолжить встречу.

— Вы могли предупредить.

— Могла. Тогда вы, вероятно, не пришли бы.

— И вы решили за меня.

Она вернулась к столу, не открыв дверь.

— Я решила, как провести свою встречу. Вы решаете, оставаться ли на ней. Если хотите уйти, администратор вышлет базовый договор хореографа сегодня до вечера.

Ее ответ мне не понравился. Он все же проводил границу там, где она действительно проходила: Вера распоряжалась приглашениями, я — своим участием.

Я посмотрела на календарь репетиций. Первый совместный лед стоял четырнадцатого сентября. Закрытый показ — через три недели. До завтра мне предстояло получить предложение новой арены; до четверга — дать Ксении ответ по часам.

— Пусть войдет.

Вера открыла дверь.

Максим ждал в коридоре, в нескольких шагах от переговорной. Он вошел не сразу: сначала посмотрел на Веру, получил короткий жест и только потом переступил порог.

За восемь лет он стал суше и короче подстриг волосы. На нем были темные брюки, рубашка без галстука и куртка, которую он оставил расстегнутой. Я отметила эти детали, потому что смотреть на лицо оказалось труднее, чем на одежду.

— Здравствуй, Алина.

— Добрый день.

Он остановился у свободного стула.

— Я сяду?

Вопрос относился к Вере, но смотрел он на меня. Я показала на стул напротив.

— Это переговорная, Максим. Здесь обычно сидят.

— За восемь лет правила могли измениться.

Он сел. Ни улыбки, ни попытки придать встрече личный смысл. Перед ним Вера положила ту же таблицу, которую показала мне.

— Алина Сергеевна рассматривает оба предложения, — сказала она. — Но просит другого партнера для расширенного варианта.

— Я не просила. Я спросила, возможен ли он.

— Возможен только с пересмотром модели, — ответила Вера. — Максим Андреевич, вы видели календарь и концепцию. Сейчас нужно понять, существует ли рабочая пара хотя бы на уровне переговоров.

Максим открыл папку. В ней лежала распечатка первых трех страниц моей заявки, без сметы и личных данных.

— Когда вы ее получили? — спросила я.

— В четверг.

— И сразу согласились?

— Согласился прочитать. В пятницу попросил полный график. Сегодня приехал обсуждать условия.

— Вы знали, что меня пригласили на это же время?

— Знал, что у тебя встреча утром. Вера не обещала, что ты останешься к одиннадцати.

Он говорил со мной на «ты». Я отвечала на «вы» не из вежливости. Так между нами помещалось больше воздуха и меньше прошлого, хотя физическая дистанция от формы общения не менялась.

— Кто предложил вашу кандидатуру?

— Вера.

— Вы не просили поставить нас вместе?

— Нет.

— Почему согласились обсуждать?

Максим перевел взгляд на экран с рисунком номера.

— Потому что постановка хорошая. Потому что я умею работать с этой механикой. И потому что в ноябре хочу закончить гастрольные договоры и перейти к постановочной работе.

— Три причины. Ни одной личной.

— Ты задала рабочий вопрос.

Вера взяла красный карандаш, но ничего не отметила. Пока вопросы касались работы, она не вмешивалась.

Я спросила Максима о последних постановках, графике и обязательствах перед другими шоу. Он отвечал без общих слов: контракт в Казани заканчивался двенадцатого сентября, две октябрьские поездки он мог перенести, с ноября оставалось только одно выступление, не перебивавшееся с премьерой. Он не рассказывал, как жил восемь лет. Я тоже не рассказывала.

— Хорошо, — сказала Вера, когда я закончила с датами. — Раз уж вы оба здесь, проверим одну вещь. Алина Сергеевна, откройте второй лист схемы.

Я развернула распечатку. На ней был рисунок первой минуты: два входа с противоположных сторон, пересечение у центральной оси, общий участок и расход по разным дугам. Красные пометки Веры убирали вступление и переносили первую смену направления ближе к середине.

— Если мы начинаем отсюда, — она показала карандашом на новую точку, — успевает ли партнер принять ведение до выхода ансамбля?

— При моем исходном рисунке — да. После вашего сокращения ему придется начинать смену до музыкальной фразы.

— Не придется, — сказал Максим.

Я повернула лист к нему.

— Объясните.

Он не взял карандаш из руки Веры. Показал пальцем на внешний путь.

— Ты считаешь этот отрезок как два отдельных входа. Если я начинаю движение после пересечения, мы теряем четыре счета. Я могу принять направление здесь.

— Здесь ты еще выходишь из поворота.

— В старой версии. В этой у меня нет причины завершать его лицом к короткому борту.

Я посмотрела на схему. Он предлагал при прежней скорости изменить положение корпуса на выходе, чтобы продолжение начиналось раньше. На бумаге это убирало паузу. На льду могло заставить его пересечь мою траекторию до того, как я освобожу центр.

— Тогда между нами останется меньше метра.

— Если ты закончишь полную дугу. Но после переноса темы она тебе тоже не нужна.

— Нужна, чтобы зритель увидел смену направления.

— Увидит по твоим плечам и следующему шагу.

— Дальний сектор увидит линию, а не мои плечи.

Максим придвинул свою копию, нашел чистое поле и провел две дуги ручкой. Он не рисовал поверх моей схемы. Новая линия выводила нас к центру почти одновременно, но оставляла мне выбор следующего ребра.

— Если свет держит внешний путь еще два счета, смена читается отсюда, — сказал он. — А я принимаю ее после твоего выхода. Без пересечения.

Вера посмотрела на экран со световой таблицей.

— Два счета у меня есть. Три — уже нет.

Я взяла его лист. Рисунок был рабочим. Более того, он сохранял ту часть моего вступления, которую Вера собиралась убрать целиком, только переносил ее функцию в движение.

— Это нужно проверять на льду, — сказала я.

— Разумеется, — ответил Максим.

Он не произнес «я же говорил» и не стал объяснять Вере, что исправил мою схему. Восемь лет назад мы часто находили решения так же: один видел лишний шаг, второй — потерянный смысл. Тогда мне казалось, что это свойство пары останется с нами навсегда. Сейчас передо мной лежали две ручные линии, и я не собиралась превращать их в доказательство чего-либо кроме профессиональной привычки.

— Вы уже начали постановку, — заметила Вера.

— Мы ответили на вопрос, — сказала я. — Постановка начинается после договора.

— Мне достаточно ответа.

Она забрала свой карандаш и поставила рядом со спорным местом маленькую отметку.

— Еще вопрос, — продолжила я. — Кто принимает окончательное решение по хореографии?

— Режиссер принимает номер в составе шоу. Я принимаю этапы по договору. Авторы предлагают и дорабатывают. Техническая команда может отклонить небезопасное решение.

— Если авторы не согласны между собой?

— Приносите варианты и проверяете. Если блокируете работу, производство выбирает другого автора по процедуре договора.

— Значит, у нас должно быть правило совместного согласования до того, как материал уходит вам.

Вера посмотрела на Максима.

— Это уже условия соавторов.

— Это условия моего согласия рассматривать соавторство.

— Запишите в замечания к договору.

Я внесла пункт в заметки. Максим не спорил, хотя правило ограничивало и его.

— Вы готовы поставить номер без участия в рекламе нашей прошлой пары? — спросила

я.

— Да.

— Без интервью о том, почему мы перестали работать?

— Да.

— Без архивных кадров?

— Это зависит от договора с производством. Я могу отказаться от своего согласия. За твое отвечать не буду.

Последняя фраза прозвучала слишком точно для человека, которого я помнила. Я не стала решать, была ли она подготовлена.

— Медицинский допуск, — вмешалась Вера. — До него мы не объявляем исполнителей и не ставим совместный лед. Обследование оплачивает производство по своему списку. Дополнительного врача каждая сторона может привлечь за свой счет.

— Кто получает заключение? — спросила я.

— Врач производства получает медицинскую часть. Мы — только допуск и перечень ограничений, необходимых для постановки.

— Страховка?

— В проекте.

— Порядок замены, если один из нас не проходит допуск?

— В проекте.

— Приемка и сроки оплаты?

— Там же.

— Права на постановку и запись?

— Алина Сергеевна, — сказала Вера, — вы задаете правильные вопросы к документу, которого пока нет перед вами. Я пришлю оба варианта через час.

— Один вариант. Полный. Постановка и исполнение. Базовый можете приложить для сравнения.

Максим поднял глаза от своей копии.

Я не согласилась на проект. Только признала, что сумма заслуживает проверки. Но произнести это при нем означало больше, чем скачать файл дома: теперь он знал, что я не ушла после своей первой реплики.

— Мне нужны двое суток, — продолжила я. — До четверга, двенадцати часов. Без публикаций, звонков в мою студию и обсуждения с третьими лицами.

— Согласна, — сказала Вера. — Первый лед перенесем, если проверка потребует времени. Но закрытый показ останется двадцать восьмого.

— Я услышала.

— Максим Андреевич?

Он закрыл папку.

— До ее решения у нас нет общего проекта. Мне достаточно своего экземпляра договора.

— Тогда формальная часть закончена.

Вера выключила экран. Я встала и убрала заявку в сумку. Максим тоже поднялся, но остался у стола, оставляя мне свободный путь к двери.

— Алина, — сказал он.

Я остановилась.

— Я подпишу свою часть только после твоего письменного согласия. И только если врач допустит тебя к этой нагрузке.

— Вы ставите мне условия?

— Себе. Я не выйду на лед с партнером, который не согласился или скрывает ограничение.

Вера не вмешалась. Максим не добавил ни слова о прошлом. Второе условие слишком точно повторяло причину нашей последней совместной репетиции, но обсуждать ее при Вере я не собиралась.

Я открыла дверь.

— Пришлите договор, Вера Павловна. Остальное будет после проверки.

В коридоре я достала телефон и поставила напоминание на четверг, одиннадцать тридцать. Потом вышла из здания, не дожидаясь, пойдет ли Максим следом.

На улице я остановилась у входа и проверила почту. Вера выполнила обещание: два проекта договора, календарь и страховое приложение пришли в одиннадцать пятьдесят восемь. Файлы назывались почти одинаково. Я сохранила их в разные папки — постановка и расширенный вариант — чтобы не сравнивать суммы по памяти.

Максим вышел через несколько минут. Увидел меня у ступеней и не подошел. Пошел к стоянке в другую сторону. Так он впервые выполнил обещание ждать письменного решения: не стал использовать случайную встречу после переговоров.

Я позвонила Нине Евгеньевне.

— Мне прислали большой договор на постановку и исполнение, — сказала я. — Нужен юрист по коммерческим услугам и правам на запись. Срок двое суток.

— За двое суток хороший юрист либо откажет, либо возьмет срочность отдельно, — ответила она. — Пришли объем и предмет. Спрошу Марину Полянскую, но не обещаю.

— Еще нужен расчет налога по миллиону шестистам двадцати.

— После договора. Не считай чистую сумму по первой строке.

Я переслала файлы. Через двадцать минут Нина прислала контакт Марины и предупреждение: ограниченная проверка не заменит сопровождение всей сделки.

Марина ответила сама.

— До четверга могу сделать список критических рисков и протокол по ним, — сказала она. — Не перепису тридцать восемь страниц целиком. Цена восемнадцать тысяч, если вы заранее отметите спорные места.

— Что считать критическим?

— Оплата, приемка, физическая нагрузка, расторжение, права на запись и ответственность за действия второго автора. Личную историю с ним я анализировать не буду.

— Мне и не нужна терапия от юриста.

— Клиенты часто понимают это после первого счета.

Мы назначили встречу на среду после просмотра новой арены. До нее я должна была прочитать оба файла и составить вопросы. Срочная проверка стоила почти треть моего свободного личного резерва. Отказаться от нее ради экономии означало бы принимать миллионный договор на основании двух часов с Верой.

В машине я открыла расширенный вариант на первой странице. В предмете стояли две функции, одна сумма и обязанность предоставить «завершенный центральный дуэт». Фамилия Максима находилась в приложении, но его отдельный договор мне не показывали. Уже этого хватило для первого вопроса Марине: как отвечать за общий результат, если второй исполнитель юридически не подчиняется мне.

Я закрыла файл и поехала в студию. До конца дня у меня были занятия, а не право разбирать договор у борта между учениками. Поставила чтение в календарь на девять вечера и отправила команде обещанное обновление по аренде: новых условий пока нет, встреча с «Северным катком» завтра.

Предложение шоу не отменяло кризис льда. Оно добавляло к нему сделку, которую нельзя было принять только потому, что нужная сумма наконец появилась на экране.

ГЛАВА 3. Право остановки

— Здесь у вас восемь минут между группами, — сказал Олег Рудин. — Если нужны все пятнадцать, пятничным час придется сократить.

Я стояла у борта малой арены и смотрела на расписание, закрепленное на планшете. Восемь минут хватало взрослым, которые выходили со своими коньками и не искали родителей в коридоре. Между младшей и старшей детскими группами требовалось больше: одних нужно вывести, другим проверить шнуровку, а опоздавших провести через раздевалку так, чтобы они не пересекались с детьми в защите на лезвиях.

— В пятницу мы начинаем с младших, — сказала я. — Если поменять две группы местами, останется двенадцать минут.

— Тогда старшие приходят к шестнадцати.

— У них уроки.

Олег Николаевич увеличил таблицу.

— Другого вечернего окна нет. Понедельник и среда хорошие, пятница ранняя. В субботу можем дать два часа подряд. Воскресенье — один вечером.

Он не уговаривал меня считать неудобное удобным. Вчера Павел Аркадьевич прислал остаточные часы «Балтийской арены»: пять утренних окон, воскресенье с семи до восьми и два разовых часа в декабре без гарантии продолжения. Это был запас на случай провала всех переговоров. Основное расписание из него не собиралось.

Я прошла вдоль борта до калитки. Ледовая площадка была меньше прежней, но разметка позволяла разделить группу на две рабочие зоны. За прозрачной стеной находился зал общей подготовки. До раздевалок — один коридор без лестниц. Родители могли ждать в холле, не занимая скамейки детей.

— Где хранение?

Олег Николаевич открыл служебную дверь. За ней стояли шесть металлических шкафов и две стойки для инвентаря.

— Один шкаф входит в блок. Второй — отдельно. Большие предметы по согласованию.

— У нас маты, маркеры, аптечка, прокатные коньки и две стойки.

— Маты в этом помещении нельзя. Пожарный проход. Для них есть место у зала, но его арендует гимнастика до конца ноября. С декабря обсуждаем.

— Цена?

— В предложении.

Мы вернулись в холл. «Северный каток» открылся весной и пока заполнял второй учебный год. На большой арене шла хоккейная тренировка, у малой было свободное дневное окно. В декабре сюда переезжали две секции из другого района, поэтому Олег Николаевич собирал расписание сразу на год и предпочитал тех, кто брал одинаковые часы каждую неделю.

— Мне нужен блок минимум на двенадцать месяцев, — сказала я. — С возможностью продления и понятным сроком пересмотра ставки.

— Это как раз наш формат.

— Но до двадцать пятого ноября вы просите весь входной платеж.

— Да.

В переговорной он открыл коммерческое предложение. Сумма стояла на третьей странице: один миллион двести шестьдесят тысяч рублей. В нее входили обеспечительный платеж, предоплата и часть услуг по хранению. Месячная ставка после входа укладывалась в верхнюю границу моего вчерашнего расчета. Проблемой был первый перевод.

— На сколько вы фиксируете этот график?

— Предложение действует десять дней. Если присылаете письмо о намерениях и документы студии, включаем вас в предварительную сетку до первого октября. Дальше нужен обеспечительный платеж или другое согласованное подтверждение.

— Какое подтверждение?

— Банковская гарантия, договор целевого финансирования, подтвержденный контракт с графиком поступлений. Рассматриваем каждый случай отдельно.

— Личный кредит руководителя?

— Для нас важен платеж, а не его название. Для вас, думаю, важно больше.

— Намного.

Я попросила разбивку по всем услугам, проект договора и размеры площадки. Олег Николаевич выгрузил документы на мою почту. Пока они загружались, я проверила время дороги до двух станций метро и остановок наземного транспорта. От прежней арены путь увеличивался для большинства семей на пятнадцать-двадцать минут. Три группы можно было сохранить без изменения дней. Пятницу пришлось бы перестроить.

— Есть другие желающие на этот блок? — спросила я.

— Есть запрос от танцевальной студии на понедельник и среду. Им не нужны выходные. Если они подтвердят раньше вас, придется собирать другой пакет.

— Когда они дают ответ?

— Мы не раскрываем сроки других клиентов.

— Но предупреждаете, если предложение перестает действовать?

— Разумеется.

Он сказал это с тем же спокойствием, с каким вчера назвал нижнюю границу. Я не могла проверить чужой запрос, но могла проверить договор, срок и платеж. Этого было достаточно, чтобы не строить решение на обещанном сочувствии.

— Пришлите письмо о намерениях сегодня, — сказал Олег Николаевич, закрывая планшет. — Оно вас ни к чему финансово не обяжет, но я поставлю студию в сетку как основной вариант.

— Сначала я прочитаю формулировку.

— Пришлю шаблон.

Мы договорились о сроке ответа — четверг, шестнадцать часов. Я сфотографировала только пустую площадку и вход в зал; детей с большой арены в кадр не брала. Затем отправила Ирине размеры, дорогу и рабочий вариант расписания.

Она ответила через минуту: «Пятницу можно разделить. Позвоню взрослым после твоего решения».

После этой строки новая площадка перестала быть адресом в таблице. У нее появились группы, которые Ирина уже мысленно переставляла, и люди, которым придется объяснять изменившееся время.

До встречи с Мариной оставалось два часа. Я села в кафе у метро, заказала обед и открыла три документа рядом: предложение новой арены, расширенный договор шоу и таблицу студии.

Первое сравнение было бесполезным. Один миллион двести шестьдесят тысяч требовалось перечислить до двадцать пятого ноября. Один миллион шестьсот двадцать тысяч существовали в договоре до налога и распределялись по этапам, последний из которых заканчивался премьерой двадцать первого ноября.

Я позвонила Нине Евгеньевне, бухгалтеру студии.

— У тебя пять минут? Нужен рабочий расчет по отдельному договору.

— Если опять предлагают оплату товаром, у меня нет даже одной.

— Деньгами. Один миллион шестьсот двадцать тысяч, три платежа. Услуги хореографа и исполнителя.

— Присылай предмет договора и реквизиты заказчика. Сейчас грубо считай шесть процентов с дохода, взносы потом посмотрим отдельно.

— Расходы на юриста уменьшают этот расчет?

— В твоей текущей модели — нет. Алина, пришли документ. Я не веду учет по пересказу во время обеда.

— Уже отправила.

— Тогда вечером отвечу письменно.

Она отключилась. Я внесла в таблицу шесть процентов. После налога от расширенного договора оставалось один миллион пятьсот двадцать две тысячи восемьсот рублей. От базового — триста пятьдесят семь тысяч двести.

Расширенный вариант покрывал вход на новую арену и оставлял деньги на переезд. Базовый не закрывал даже треть суммы. Но график расширенного договора создавал другую проблему: после первых двух этапов я получала менее половины общей суммы, а финальная выплата по проекту могла пройти в течение десяти рабочих дней после премьеры. Даже при подписанном акте деньги могли поступить в декабре. Аренда ждала полный перевод двадцать пятого ноября.

Я добавила в таблицу четыре даты: двадцать восьмое сентября, двадцать первое ноября, двадцать пятое ноября и предельный срок финального платежа. Между последними двумя образовался разрыв, который не исчезал от размера общего гонорара.

Можно было просить производство сократить срок оплаты. Можно — договариваться с арендой о разделении входного платежа. Можно — брать короткий заем под уже подписанный акт. Все три варианта требовали документов, которых пока не существовало. Подписывать расширенный договор как готовое спасение было бы глупо. Отказываться от единственного дохода подходящего масштаба из-за еще нерешенной последовательности платежей — тоже.

В два сорок пришло письмо «Балтийской аренды». Павел Аркадьевич выполнил обещание раньше срока. В таблице были утренние часы, воскресенье с семи до восьми и два вечерних окна: четвертого и одиннадцатого декабря. После одиннадцатого — никаких гарантий.

Я переслала таблицу Ирине с пометкой: «Только резерв. Основным расписанием быть не может». Она ответила: «Согласна».

Лида получила отдельное сообщение: декабрьские соглашения не возобновлять, родительское письмо готовить на пятницу, в тексте не указывать новую площадку до решения. Ксении я пообещала позвонить после юридической консультации.

Обед остыл, пока я считала. Я съела половину, закрыла таблицу и сохранила две версии: с полным гонораром шоу и без него. Вторая показывала, что к декабрю студия сохраняет учеников, сотрудников и название, но теряет место, где все они могут работать. В первой место появлялось, если я соглашалась выйти на лед с Максимом и отдельно решала четырехдневный разрыв между обязательствами.

Выбор перестал быть ответом на вопрос, хочу ли я его видеть. Такого вопроса в финансовой таблице не было.

Марину Полянскую мне посоветовала бухгалтер студии. На сайте ее фирмы проверка договора стоила от пятнадцати тысяч, а ближайшее свободное время было через неделю. Когда я позвонила и назвала срок Веры, Марина согласилась взять ограниченную консультацию за восемнадцать тысяч при условии, что я заранее отмечу спорные пункты и не попрошу переписать весь документ.

К трем часам я сидела в ее кабинете с двумя договорами на экране. Проект «Северной сцены» пришел вчера в тринадцать семнадцать. Он занимал тридцать восемь страниц без приложений: постановка, исполнение, график, использование записи, страхование и порядок замены. Базовый вариант был короче на девять страниц и на одну фамилию.

Марина открыла список моих вопросов.

— Вы выделили восемнадцать пунктов.

— Семь из них связаны между собой.

— Так говорят все клиенты, которые хотят ограниченную проверку вместо полной.

— Сколько пунктов помещается в восемнадцать тысячч?

— Те, от которых зависит, получите вы деньги или травму. Остальные перечислю в заключении как риски без готовой редакции.

Она говорила быстро, но не торопилась листать. Сначала проверила стороны, предмет договора, суммы и сроки. Потом нашла приложение с этапами.

— У вас одна сумма за две разные функции, — сказала Марина. — Постановка и исполнение. Если вы не проходите медицинский допуск, что происходит с постановочной частью?

— По устной договоренности остается базовый договор.

— Устная договоренность не вписана сюда. Сейчас отказ в допуске дает заказчику право прекратить весь договор без оплаты подготовительной работы.

Я внесла пункт в отдельный список.

— Нужно автоматическое разделение?

— Нужно письменно определить результат. Например: при отсутствии допуска вы не исполняете, но можете продолжить постановку по отдельной цене, если стороны подтверждают график. Я предложу формулировку, они могут дать свою.

Следующим был порядок приемки. Производство оставляло за собой право признать этап несоответствующим творческой концепции без перечня критериев и срока на исправление.

— Это не означает, что они обязательно не заплатят, — сказала Марина. — Означает, что при споре у вас будет очень мало опоры.

— Нужны письменные замечания и срок доработки.

— И предел доработок. Иначе вы можете бесконечно менять уже принятый рисунок.

Мы двигались по документу от денег к обязанностям. В нескольких местах мое имя стояло рядом с формулировкой «исполнительская пара», хотя договор с Максимом был отдельным. Получалось, что я отвечала за результат дуэта, но не имела договорного способа согласовать действия второго автора.

— Это стандартный прием? — спросила я.

— Не знаю, что у них стандартно. В вашем документе это риск. Вы обязаны предоставить общий результат, а управлять можете только собой.

— Значит, ключевые изменения уходят заказчику после письменного согласования обоих авторов.

— Если они согласятся связать два отдельных договора. Заказчику проще иметь право принять материал от любого из вас.

— Мне тоже было бы проще. До первого конфликта.

Марина посмотрела на меня поверх оправы.

— Второй автор — тот бывший партнер?

— В документах есть фамилия.

— Я спрашиваю не ради любопытства. Вы сейчас смешиваете юридический риск с личным. Если вы считаете, что человек намеренно сорвет договор, один пункт вас не защитит.

— Я считаю, что он может решить за двоих, если уверен в пользе решения.

— Тогда вам нужен понятный порядок согласования, а потом дисциплина им пользоваться. Договор не удержит его руку над клавишей отправки.

Я записала эту фразу без последней части. В протоколе требовалась формулировка, а не образ.

Раздел об использовании записи давал производству право брать любые материалы с моим участием, предоставленные партнерами проекта, и использовать их без отдельного согласования. Марина отметила слова «любые материалы» и «партнеры проекта».

— Это может включать архив, — сказала она. — Если у компании или ее партнера есть законный доступ.

— Архивные записи принадлежат старому производству.

— Я не проверяю их права в рамках этой консультации. Но ваш новый договор не должен заранее разрешать все, что они могут получить.

Мы предложили отдельное письменное согласие на архивные материалы и конкретный перечень новых рекламных форматов.

В разделе безопасности компания обязывала меня выполнять утвержденную постановку и соблюдать указания режиссера, хореографа и технической команды. О праве остановить элемент говорилось только в связи с решением врача.

— На льду врач не будет стоять рядом каждую секунду, — сказала я.

— Кто отвечает за безопасность репетиции?

— Должен быть сотрудник производства. Но партнер чувствует потерю контроля раньше человека у борта.

— Тогда опишите процедуру простыми словами, а я переведу ее в договорную редакцию.

— Любой исполнитель может немедленно остановить элемент, если считает продолжение опасным. За саму остановку нет штрафа или признания этапа сорванным. Дальше причину проверяют с ответственным за репетицию и врачом, если она касается состояния.

— А если исполнитель останавливает каждый элемент, потому что ему не нравится партнер?

— Производство фиксирует повторные остановки и применяет обычный порядок замены. Но один раз человек должен иметь возможность выйти из движения до обсуждения.

Марина набрала несколько строк.

— Вот это уже можно отправлять.

Последними мы проверили страховку, расторжение и сроки оплаты. Я оплатила консультацию переводом на счет фирмы, получила чек и проект протокола разногласий. На моем личном резерве осталось сорок две тысячи рублей.

— Отправляйте сегодня, — сказала Марина. — Если придет новая редакция, я посмотрю только измененные пункты. Это входит в стоимость. Новые вопросы — отдельно.

— Вы всегда так строго считаете границы консультации?

— Иначе мне пришлось бы включать собственный рабочий день в раздел непредвиденных расходов.

Я собрала документы.

— Еще одно. Если в договоре напишут, что остановка не является нарушением, это защитит меня?

— От договорного штрафа — в пределах формулировки. От плохого решения на льду защищают подготовка, допуск, люди и готовность действительно остановиться. В договоре можно зафиксировать последствия. Физическое решение все равно принимаете вы.

Мне нравились специалисты, которые не продавали документ как замену действиям.

В половине пятого я отправила протокол Вере и поставила в копию Марину. Максима в переписке не было. Его договор оставался отдельным, а мои требования пока касались только моих прав и обязанностей.

Вера ответила через сорок минут: «Получили. Срок решения переносим до завершения согласования. Завтра дадим редакцию».

Я переслала Ирине предложение новой арены и позвонила Ксении.

— Основной вариант сохраняет все твои часы, кроме пятницы, — сказала я. — В пятницу старшая группа начинается слишком рано. Предлагаю перенести ее на субботу и отдать тебе два часа подряд.

— Адрес тот, который ты присылала Ирине?

— Да. От метро дольше на восемнадцать минут по дневному маршруту. Вечером проверю еще раз.

— Когда договор?

— Пока предложение до первого октября. Точный способ подтверждения обсуждаем.

— Значит, гарантии нет.

— Нет. Но весь рабочий объем в расписание помещается.

— Это уже цифра, — сказала Ксения. — До следующей недели я никуда не ухожу.

Я записала срок. Вчера она обещала ждать до четверга. Сегодня дала еще несколько дней, потому что получила вариант, а не просьбу потерпеть.

В четверг новая редакция договора пришла в одиннадцать десять. Вера приняла разделение постановочной и исполнительской частей при отсутствии допуска, письменные замечания к этапам, ограничение архивных материалов и процедуру остановки. Срок оплаты каждого принятого этапа сократили с десяти рабочих до пяти банковских дней. Вера отказалась отдавать авторам последнее слово по художественной приемке, а срок исправления замечаний уменьшила с десяти рабочих дней до трех.

Марина позвонила после двух.

— Для такого графика три дня объяснимы. Но замечания должны быть выполнимы в рамках уже утвержденной концепции. Я добавила это в комментарий.

— Совместное согласование авторов?

— Они связали ваши договоры только по ключевым изменениям. Мелкую рабочую правку каждый может передать отдельно.

— Что считается ключевой?

— Музыка, длительность, состав элементов, финальный рисунок, рекламная версия и все, что меняет медицинскую нагрузку. Перечень есть в приложении.

— Достаточно?

— Для договора — да. Для отношений между авторами вам понадобится рабочий порядок.

— Остались пункты, из-за которых вы советуете не подписывать?

— Остались пункты, которые нельзя сделать безрисковыми. Художественная приемка все равно зависит от заказчика. Медицинский допуск не гарантирует, что состояние не изменится. И финальный платеж приходит после премьеры, а не по факту выхода на лед.

— Страхование покрывает травму на репетиции?

— Полис в приложении покрывает медицинские расходы в пределах суммы. Потерю дохода вашей студии он не покрывает. Еще есть исключение для действий за рамками утвержденного плана.

— Поэтому каждое изменение нагрузки должно быть записано.

— Поэтому вы не должны выполнять незаписанное изменение только потому, что лед уже оплачен и все ждут.

Марина попросила открыть приложение с персональными данными. Производство запрашивало доступ к медицинскому заключению целиком, хотя для организации репетиций ему требовались допуск, ограничения и срок следующего контроля.

— Врач производства может видеть медицинскую часть, — сказала она. — Продюсеру диагноз и прежние операции не нужны. Я оставила согласие для врача и отдельную выписку для компании.

— Они приняли?

— В новой редакции да. Проверьте, чтобы при подписании ссылка вела именно на этот файл. У них одинаковые названия приложений и разное время загрузки.

Я переименовала полученные версии по дате и минуте. В переписке лежало пять файлов с названием «Договор_Сафронова_финал». Четыре из них финальными уже не были.

— И еще, — продолжила Марина. — Вы платите мне за проверку договора, а просите мнение о человеке. Я его дать не могу. Но могу сказать, где документ не заменяет доверие. Совместное согласование сработает, только если оба автора используют общую цепочку. Если один напишет заказчику отдельно, факт придется доказывать письмами и временем отправки.

— Поэтому общая переписка и журнал решений.

— Да. И не ведите ключевые согласования только в мессенджере. Сообщение удобно удалить, потерять или прочитать без контекста.

— Я сохраняю протокол после каждой репетиции.

— Тогда внесите обязанность производства присылать замечания туда же. Иначе у вас будет журнал авторов и отдельная устная реальность режиссера.

Я добавила строку в письмо Вере. Марина проверила ее и отключилась. Консультация закончилась в рамках оплаченного времени. То, что она не предложила «быть на связи по любому вопросу», повышало ценность каждого уже данного ответа.

После разговора Вера включила меня в общую почтовую цепочку с Максимом. В ней лежали две таблицы замечаний: мои и его. Он просил уточнить авторское упоминание, право отказаться от рекламного интервью и порядок замены партнера. В конце добавил отдельную строку:

«Совместная физическая работа начинается только после письменного согласия Алины Сафроновой и медицинского допуска. При ее сигнале об остановке элемент прекращается сразу; причина обсуждается после выхода из движения».

Я прочитала строку дважды. По смыслу она совпадала с тем, что мы сформулировали с Мариной. Отличался адресат: мое условие защищало любого исполнителя, его — называло меня.

Я не стала спрашивать, почему. Добавила в общую редакцию нейтральную формулировку для обоих и написала: «Согласна при взаимном применении».

Максим ответил через шесть минут: «Согласен».

Оставался один спорный пункт: производство могло изменить утвержденный номер, если этого требовала общая режиссура. Формулировка не различала перенос выхода на несколько секунд и замену элемента, которая меняла нагрузку.

Я позвонила Вере.

— В приложении есть перечень ключевых изменений, — сказала она после моего вопроса. — Все, что влияет на музыку, длительность, финал или медицинский план, согласуем с авторами.

— А если режиссер меняет вход ансамбля и наш путь становится короче?

— Это рабочая правка. Вы предлагаете способ уложиться.

— Если уложиться можно только новым элементом?

— Тогда ключевое изменение и новое согласование.

— Запишите эту последовательность.

— Алина Сергеевна, договор не может перечислить каждую минуту репетиции.

— Я прошу перечислить не минуты. Сначала рабочая правка в пределах утвержденной нагрузки. Если она невозможна — письменное изменение с проверкой.

Вера помолчала, затем попросила подождать. Через три минуты в общей цепочке появился обновленный абзац. Он был короче моей формулировки, но сохранял порядок: тех-

ническая задача, авторское решение, отдельное медицинское согласование при изменении нагрузки.

— Принимаю, — сказала я.

— Тогда нам нужен ваш ответ сегодня. Клиника держит субботнее окно до шести вечера.

— Получите после финальной проверки приложений.

— Максим свою часть уже согласовал.

— Это его договор.

— Именно.

Мы закончили разговор без лишнего подтверждения взаимной правоты. Вера прислала новую редакцию Марине, а я еще раз сравнила суммы и даты. Нина Евгеньевна к этому времени ответила письмом: рабочий расчет верен, точный учет она сделает после подписания и первого платежа.

До решения оставался еще один разговор. Я позвонила Олегу Рудину.

— Я получила контракт, который может подтвердить поступления до конца ноября, — сказала я. — Он еще не подписан. Если подпишу сегодня, какие документы нужны для предварительной сетки?

— Сам контракт показывать целиком не надо. Письмо о намерениях, карточка студии и подтверждение источника финансирования. По контракту можно закрыть коммерческие условия, оставить сумму и даты этапов.

— Финальный платеж поступает после вашего срока. Первые два покрывают меньше половины входной суммы.

— Тогда одним подтверждением этот договор не решает вопрос.

— Я и не говорю, что решает. Спрашиваю, готовы ли вы рассмотреть разделение платежа, если два этапа будут приняты до октября, а финальный акт — до двадцать первого ноября.

Олег попросил минуту и вернулся к разговору уже из кабинета: по голосу исчез шум большой арены.

— Рассмотреть готовы. Обещать схему сейчас не буду. Нам нужны подписанный контракт, порядок расторжения и доказательство первых поступлений. Если проект отменят до премьеры, арена не должна превращаться в вашего кредитора без обеспечения.

— Понимаю. До первого этапа я могу дать только контракт и письмо производства.

— Этого хватит, чтобы оставить вас в предварительной сетке до первого октября. Не для договора аренды и не для доступа к площадке.

— За предварительную сетку есть платеж?

— По текущему предложению нет. Если позже договоримся о резерве, он будет оформлен отдельным соглашением. Не переводите деньги без него.

— Я не перевожу деньги без назначения и встречного обязательства.

— Поэтому и сказал.

Мы согласовали перечень: письмо студии о намерениях, регистрационные документы, желательный график, обезличенная выписка из контракта шоу после подписания. Я попросила подтвердить список письмом. Через две минуты он пришел.

Теперь подписание шоу не давало мне аренду. Оно давало право продолжить две связанные сделки: выполнить оплачиваемую работу и доказать арене, что будущие платежи имеют документальный источник. Между этим правом и новым льдом оставались приемка, переговоры и риск премьеры.

Я открыла таблицу личной нагрузки. Понедельник и среда в шоу пересекались с двумя моими группами. Ирина уже могла вести взрослую, Ксения — старшую детскую. Передача на десять недель уменьшала мой тренерский доход и увеличивала их часы. Я внесла обе суммы в бюджет. После поправки запас сократился, но схема не стала отрицательной.

Затем позвонила Ирине.

— Если я беру проект до двадцать первого ноября, тебе придется вести мою взрослую группу по понедельникам и две репетиции старших в октябре. График пришлю сейчас. Сможешь?

— Какую часть проекта ты берешь?

— Постановку и исполнение.

Она молчала несколько секунд.

— С кем?

— С Максимом Даниловым.

— Тем Максимом?

— Другого у нас не было.

— У меня не было ни одного.

— Сможешь взять группы?

— Смогу, если часы оформляем заранее и ты не возвращаешь их себе между репетициями, когда решишь, что недостаточно устала.

— Оформляем до конца проекта. Отмены только по медицинской причине или изменению графика производства.

— Тогда присылай даты и ставку.

Она не спросила, уверена ли я, что хочу снова работать с Максимом. Возможно, спросила бы вечером как подруга, если бы я оставила ей такую роль. Сейчас я звонила как руководитель, которому требовалось согласие сотрудника на дополнительную нагрузку. Ирина ответила в той же роли.

После разговора я внесла ее подтверждение в расчет. Только тогда открыла ссылку Веры.

Подтверждение Ирины не закрывало вторую часть нагрузки. Она могла вести взрослую группу, но старшие дети оставались у Ксении. Я позвонила ей отдельно, не сообщая, что Ирина уже согласилась.

— В октябре нужны две среды и одна суббота по действующей программе, — сказала я. — Даты отправила. Сможешь взять?

— Среды да. В субботу у меня обучение до трех.

— Группа начинается в четыре. Ты успеешь доехать только при отсутствии задержки.

— Тогда субботу не подтверждаю.

— Приняла.

Я не спросила, может ли она постараться ради студии. Поставила субботнюю группу в список на внешнюю замену и сообщила Ирине только после ответа Ксении.

— Могу взять и ее, — сказала Ирина.

— У тебя перед этим две взрослые группы. Получится пять часов работы с одним перерывом.

— Тогда не беру. Нужен третий тренер.

Мы посмотрели список специалистов, которые уже проходили проверку документов и подменяли занятия. Свободной оказалась Анастасия, бывшая тренер нашей летней смены. Я отправила ей точные даты, программу, число детей и ставку. Не писала, что работа срочная и от ее согласия зависит спасение школы.

Она ответила через двадцать минут: субботу возьмет, по средам занята. Для одной группы требовался отдельный договор, доступ к карточкам только назначенных учеников и оплачиваемая ознакомительная встреча с Ксенией.

— Встреча действительно нужна, — сказала Ксения после моего звонка. — У двух детей есть ограничения по прыжковой нагрузке, их нельзя передавать одним сообщением.

Мы поставили сорок минут в рабочее время и включили оплату обеим. Медицинские сведения передавались только в объеме, который относился к занятию. Анастасия не получала полный архив детей.

После этого я написала родителям трех затронутых групп. Указала даты, имена тренеров и право отказаться от конкретного занятия с переносом или возвратом. Причину моей замены назвала рабочим проектом до ноября. Фамилия Максима и сумма контракта семьям не требовались.

Два родителя ответили сразу. Один согласился. Мама другой девочки спросила, означает ли постановочная работа, что я ухожу из студии.

«Нет. Я остаюсь владельцем и тренером по текущему расписанию за исключением перенесенных дат. Если нагрузка изменится, сообщу отдельно до занятия», — написала я.

Она попросила подтвердить, что в декабре вернусь ко всем группам. Я не могла обещать декабрь до решения об арене.

«До тридцатого ноября возвращаюсь по действующему расписанию. Декабрьский график будет после договора новой площадки», — ответила я.

Рабочая замена перестала быть строкой в моей таблице и стала тремя отдельными соглашениями: тренеров, приглашенного специалиста и семей. Расширенный контракт создавал не только мой физический риск. Он менял чужие часы и требовал оплатить эту цену заранее.

Нина Евгеньевна обновила расчет с учетом ставки Анастасии и ознакомительной встречи. Чистый запас уменьшился еще на девять тысяч двести. Я не вычла их из оплаты Ирины и Ксении как расходы, возникшие из-за их отказа перерабатывать. Замены были следствием моего договора.

Только после этих ответов расписание можно было считать выполнимым. Если бы Ксения или семьи отказались, мне пришлось бы менять даты с производством до подписи, а не надеяться решить конфликт в октябре.

К пяти часам Лида собрала ответы в один реестр. Из двадцати трех семей девятнадцать подтвердили замены, две выбрали перенос, одна попросила возврат за субботу, еще одна не ответила. Молчание последней семьи не считалось согласием: Лида должна была позвонить утром и при отсутствии ответа снять ребенка с занятия без списания.

Я проверила только итоговые категории, не перечитывая каждую переписку. Лида отвечала за получение решений, Ксения — за передачу программы, Нина Евгеньевна — за оплату. Моя задача состояла в том, чтобы не подписать внешний контракт, опираясь на чужую неоплаченную гибкость.

В расчет я добавила возможный возврат и одно свободное место в группе. Сумма была небольшой рядом с гонораром шоу, но именно такие небольшие обязательства показывали реальную цену моего отсутствия.

В пять сорок Вера прислала финальный файл и ссылку на подписание. Я проверила номера приложений, суммы и даты. Отдельно открыла календарь: медицинское обследование назначили на субботу, первое совместное окно оставили на понедельник только при допуске.

Марина прислала контрольный список из семи строк. Стороны и реквизиты. Предмет. Сумма. Этапы. Медицинское приложение. Рекламные права. Расторжение. Каждую строку я сверяла с финальным файлом.

В разделе суммы оставались один миллион шестьсот двадцать тысяч и три выплаты. В приложении к этапам было прямо указано, что принятый результат оплачивается независимо от последующего прекращения проекта. В медицинском разделе компания получала рабочее заключение, но не полную карту. Архив требовал отдельного согласия. Право остановки не считалось срывом до установленного разбора.

Я нашла одно отличие от редакции Марины: в рекламном приложении согласие отзывалось «на будущий период», но срок прекращения размещения не стоял. Позвонила ей.

— Это критично до подписи? — спросила я.

— Если материал уже передан партнерам, мгновенное удаление невозможно. Нужен срок на действия компании, а не обещание стереть интернет.

Мы предложили пять рабочих дней для собственных страниц и направление требований партнерам в течение двух. Вера приняла формулировку без нового спора и выгрузила шестой финальный файл.

Я заново проверила все приложения, потому что последнее изменение могло сместить нумерацию. Ссылки совпали. Марина ответила: «Изменения вижу. Рекомендация прежняя: подписывать можно при принятии коммерческого и физического риска, которые перечислены в заключении».

Решение оставалось за мной. Договор не становился безопасным только потому, что юрист перестал находить в нем скрытые обязанности.

Я открыла три сценария. Отказ означал сохранить нынешний график и искать другой источник почти миллиона двухсот тысяч за одиннадцать недель. Базовая постановка давала деньги за работу, которую я хотела, но не решала входной платеж. Расширенный вариант покрывал сумму при трех приемках и требовал снова работать с Максимом в пределах медицинского плана.

Ни один сценарий не гарантировал новую аренду. Подписанный контракт давал документальный источник денег и обязательства, которые можно было выполнить или не выполнить. Этого было достаточно, чтобы выбрать его осознанно.

До окончания ссылки оставалось шесть часов. До моего срока решения, который уже потерял значение, — восемнадцать.

Я подписала договор в семнадцать пятьдесят две.

Через минуту пришло подтверждение «Северной сцены». Еще через две — письмо Максима в общей цепочке. Без приветствия и без личного сообщения.

«Свою часть подписал. До допуска совместных репетиций нет».

Я закрыла почту и открыла заключение Марины. Договор не обещал, что Максим перестал решать за других. Он давал мне порядок, по которому такое решение можно было назвать нарушением.

ГЛАВА 4. Первый выход

В анкете спортивной клиники был вопрос: «Какую нагрузку вы хотите вернуть?»

Я написала: «Четырехминутный танцевальный номер в коммерческом шоу».

Ниже просили указать прежний уровень, дату последнего выступления и все травмы за десять лет. В строке не хватало места. Я попросила у администратора дополнительный лист и перечислила обследования, операцию по восстановлению связок правого голеностопа, реабилитацию и текущий объем работы на льду.

Восемь лет назад я умела заполнять медицинские анкеты иначе. Писала только то, что уже было в официальной карте, выбирала самые общие слова и считала, что боль, о которой не знает врач, не может лишить меня контракта. Эта логика закончилась вместе с карьерой. Повторять ее ради нового договора я не собиралась.

Елена Сергеевна Коваль прочитала обе страницы до начала осмотра.

— Пять дней на льду в неделю, — сказала она. — Сколько часов лично вы катаетесь, а сколько стоите у борта?

— В среднем шесть-семь часов активной работы. Остальное показываю короткими отрезками или наблюдаю.

— Прыжки?

— Одинарные показываю редко. В план шоу они не входят.

— Парная работа после операции была?

— Нет.

— Поддержки?

— Нет.

Она отметила это в карте.

— Когда голеностоп беспокоил в последний раз?

— После летнего сбора в июне. Два дня подряд по три часа льда, потом вечером появилась скованность. К утру прошла.

— Боль?

— Слабая. Таблетки не принимала, тренировку на следующий день передала другому тренеру.

— Чувство, что сустав уходит или не держит?

— За последние три года не было.

— Отек?

— После обычной работы нет.

Она задала те же вопросы другими словами позже, во время осмотра. Я отвечала одинаково, потому что знала цену красивой версии собственного состояния и не пыталась показаться надежнее, чем была.

Обязательную часть обследования оплачивало производство. В нее входили осмотр, проверка движения сустава, силы, выносливости и базовых функциональных задач. Я заранее заказала расширенную оценку с планом постепенной нагрузки и заплатила двенадцать тысяч из личного резерва. Договор требовал допуска. Мне нужен был порядок работы после него.

Елена Сергеевна сравнила движение обеих стоп, затем попросила выполнить серию подъемов на одной ноге. На правой я держала темп, но к концу стала раньше опускать пятку.

— Еще два, если можете без изменения техники.

Я сделала один и остановилась.

— Второй уже был бы хуже.

— Правильно. Нам не нужна цифра любой ценой.

Дальше были динамическое равновесие, шаги в разных направлениях и короткие последовательности на разметке. Часть заданий казалась проще разминки моих старших учеников. Но на льду я могла перераспределить усилие привычным способом, а здесь Елена Сергеевна видела, когда правая сторона начинала уступать левой.

После первой серии она спросила:

— Насколько вы доверяете ноге в обычном катании?

— Полностью в пределах моей работы.

— А в паре?

— Не знаю. Я не проверяла.

— Это лучше, чем ответить «полностью» без проверки. Готовность — тоже часть допуска. Не потому, что страх автоматически запрещает спорт, а потому, что человек меняет движение, если ждет боли или потери опоры.

— Вы хотите проверить страх тестом?

— Я хочу знать, что именно мы допускаем. Сегодня я могу оценить сустав и базовую функцию. Парную работу увидит специалист на льду. Полный номер появится через несколько недель, поэтому бессмысленно выдавать разрешение на то, чего пока нет.

Она не ставила печать между мной и сценой одним решением. Допуск разделили на этапы: индивидуальная подготовка и простая совместная работа без поддержек; затем согласование конкретных элементов; после — полный прогон и повторная оценка при необходимости.

В письменных ограничениях не было названий старых элементов. Елена Сергеевна указала отсутствие прыжковых серий и высокой ударной нагрузки, постепенное увеличение объема, обязательную остановку при боли, ощущении нестабильности или изменении техники. Любую поддержку требовалось вводить отдельно, после проверки входа и выхода.

— Я не могу обещать вам отсутствие риска, — сказала она, когда документ был готов. — Могу подтвердить, что текущая функция позволяет начать подготовку в этих границах.

— Если я пять дней в неделю работаю на льду, почему парный номер требует отдельного допуска?

— Потому что объем привычной работы и новая задача — разные вещи. На занятии вы выбираете, сколько раз показать движение, и можете изменить его по ходу. В номере есть заданная скорость, партнер, свет, музыка и повторяемость. Усталость к третьему прогону тоже отличается от десятисекундного показа ученику.

— Значит, мое обычное катание ничего не доказывает?

— Доказывает, что вы переносите свой обычный объем. Это хорошая исходная точка. Но она не отвечает за новый объем заранее.

Елена Сергеевна открыла таблицу постепенного возвращения к нагрузке. На первой неделе она ограничила число совместных сессий и попросила не ставить их подряд с моими длинными тренерскими днями. После каждой требовалось отмечать боль, ощущение устойчивости, изменение движения и состояние на следующее утро.

— Если все четыре показателя остаются без ухудшения, увеличиваем объем, — сказала она. — Если меняется хотя бы один, не пытаетесь догнать график. Возвращаетесь к последнему устойчивому уровню и сообщаете врачу производства.

— А если проблема возникает только с партнером, а отдельно я выполняю движение?

— Тогда это все равно проблема задачи. Причина может быть технической, физической или связанной с готовностью. Ее нужно разобрать, а не выбирать удобное объяснение.

Врач не спрашивала, доверяю ли я Максиму как человеку. Для допуска это было бы слишком широким и бесполезным вопросом. Ее интересовало, меняю ли я движение рядом с партнером и могу ли остановиться до того, как изменение станет опасным.

— Производство получит весь отчет?

— Производство получает допуск, ограничения и рекомендации, которые влияют на работу. Диагностическая часть остается медицинской информацией.

— А партнер?

— То, что необходимо для безопасного элемента. Рассказывать историю лечения вы ему не обязаны.

Я проверила формулировку и подписала согласие на передачу рабочего заключения врачу производства. Полный план Елена Сергеевна отправила только мне.

Перед уходом она назначила повторную оценку через две недели или раньше, если нагрузка изменится. Я внесла дату в календарь рядом с закрытым показом. Два события стояли в один день. Одно не могло автоматически отменить другое, но порядок был очевидным: сначала состояние, потом сцена.

У администратора меня ждал врач производства Андрей Белов. Он получил короткое заключение и попросил десять минут на рабочий план. Мы сели в свободном кабинете; он открыл форму допуска на служебном планшете.

— Я вижу разрешение на индивидуальную и простую совместную работу, — сказал он. — Поддержки согласуем по видео и схеме нагрузки. Старые записи не считаются доказательством текущей готовности.

— Кто будет принимать решение по каждой поддержке?

— Елена Сергеевна определяет медицинские пределы. Я слежу за применением внутри производства. Технический специалист оценивает хват, вход и выход. Вы с партнером соглашаетесь выполнять конкретный вариант. Отсутствие одного согласия означает, что элемента на репетиции нет.

— Где это фиксируется?

— В листе элемента. Схема, дата допуска, число попыток, условия остановки. Я пришлю шаблон в общую папку.

— Кто имеет доступ?

— Постановочная группа, техническая команда и врачи. Реклама — нет.

— В договоре реклама получает материалы из общей производственной папки.

Андрей открыл структуру доступа и показал два разных раздела. Медицинские листы лежали в закрытой части. Постановочные видео могли копироваться в рекламную только после отметки авторов.

— Я не прошу верить интерфейсу, — сказал он. — После первой загрузки проверьте участников папки. Если там лишний человек, сообщаете мне и продюсеру.

— А если видео уже скачали?

— Тогда доступ не вернет файл. Поэтому на медицинских тестах снимаем только то, что необходимо для разбора, без лиц крупным планом и разговоров у борта.

Его ответ не обещал невозможного контроля. Я подписала рабочий лист и получила копию на почту.

— Отдельный вопрос, — продолжил Андрей. — На первой совместной репетиции может не быть физического ухудшения, но появится изменение техники. Это такая же причина останавливать нагрузку. Не доказывайте устойчивость дополнительными повторами.

— Сколько повторов допустимо?

— Сегодня число назначит ответственный на льду после разминки. Верхнего разрешенного значения недостаточно, чтобы выполнить его целиком. Если качественный ответ получен раньше, заканчиваете раньше.

Я знала эту ошибку по работе с учениками: человек слышит «не больше пяти попыток» и превращает ограничение в обязательство сделать все пять. Для первого льда мы внесли в форму обратное правило: повтор нужен ради названной технической задачи, а не ради оставшегося времени.

В воскресенье утром я заполнила первый домашний отчет. После клиники правый голеностоп не болел, но икроножная мышца уставала сильнее левой. Это было ожидаемой реакцией на тесты, а не поводом скрыть запись до понедельника. Я отправила цифры Елене Сергеевне через защищенную форму.

Потом открыла расписание студии. В понедельник после совместного льда у меня стояли две детские группы подряд. На занятиях я обычно показывала шаги сама, особенно младшим. Новый план запрещал добавлять незаписанную нагрузку только в шоу, но мышца не различала, по какому договору я ее перегружаю.

Я позвонила Ирине.

— Завтра после моей репетиции возьми демонстрации в младшей группе, — сказала я. — Я веду занятие, но не показываю полную последовательность на правой.

— Это из-за допуска?

— Из-за общей нагрузки после тестов. Боли нет. Если утром показатель изменится, передам группу целиком.

— Записать родителям?

— Нет необходимости. Тренерский состав не меняется. В журнале укажи распределение ролей.

— Хорошо. А во второй группе?

— Показывает Ксения по своей обычной части. Я не добавляю повторы между учениками.

Ирина внесла изменения в рабочий журнал и назвала свою дополнительную оплату. Я подтвердила. Договор шоу не покрывал скрыто часы студии; эти расходы входили в реальную цену моего возвращения.

Вечером Елена Сергеевна ответила, что реакция соответствует ожидаемой и первый лед можно оставить при исходном состоянии утром. Она не написала «все хорошо». Условие оставалось измеримым.

В понедельник перед выездом я снова проверила четыре показателя. Боль — ноль, устойчивость обычная, движение не изменено, усталость после сна ушла. Только после этого подтвердила Антону участие. Если бы ответ оказался другим, производственная группа узнала бы до оплаченного окна, а не после моей попытки выдержать его.

В понедельник я приехала на репетиционную арену за сорок минут до своего времени. Антон Румянцев, ответственный за ледовые репетиции, выдал мне ключ от раздевалки и копию рабочего заключения.

— Сегодня индивидуальная разминка, базовые шаги рядом, простой хват, если оба готовы, — сказал он. — Поддержек в плане нет. Любая остановка фиксируется в отчете с причиной: техническая, медицинская или организационная.

— Если я просто не готова к конкретному движению?

— Говорите «стоп», выходите из позиции, потом называете причину. Сначала прекращаем движение. Разбираем у борта.

— Кто присутствует?

— Я на льду, ассистент снимает общий план для разбора. Запись внутренняя. Максим Андреевич уже разминается.

— Какой сигнал кроме слова «стоп»?

— Поднятая свободная рука, если музыка перекрывает голос. При контакте партнер сразу освобождает хват, если это безопаснее удержания. Если отпустить нельзя мгновенно, снижает скорость и выводит в согласованный выход.

— Сегодня у нас нет позиции, из которой нельзя отпустить сразу.

— Верно. Но правило задаем до того, как она появится.

Антон показал место аптечки, служебный выход и кнопку связи с дежурным врачом. Это заняло меньше трех минут. За годы работы я проводила похожий инструктаж десяткам родителей и новым тренерам. Собственная уверенность в знакомой среде не отменяла необходимости услышать его как участнице проекта.

В раздевалке лежал второй экземпляр журнала. Я проверила участников закрытой папки с видео: Антон, Андрей, ассистент, Вера и мы с Максимом. Рекламного отдела в списке не было. Затем открыла план попыток. Два прохода на расстоянии восьми метров, два на четырех, до трех в простом хвате. Последнее «до» я выделила в своей копии.

Я услышала его коньки раньше, чем вышла из коридора. Звук был знакомым не сам по себе — одинаково острые лезвия режут лед похоже. Я узнала последовательность: два коротких толчка, длинная дуга, смена направления без остановки. Когда-то по этому ритму я понимала, сколько времени у меня осталось завязать шнурок и выйти к началу музыки.

Теперь я проверила застежку на защите, убрала телефон в шкаф и вошла на арену.

Максим катался на дальней половине. Увидев меня, закончил дорожку, сбросил скорость и остановился у центральной линии. Не подъехал ближе.

— Допуск получили? — спросил он.

— Первый этап. Копия у Антона.

— Ограничения я посмотрю только рабочие.

— Других вам не дадут.

— Хорошо.

Антон позвал нас к борту и повторил план. Максим задал два вопроса: сколько времени занимает индивидуальная часть и можно ли снимать отдельный ракурс ног, если в общем плане не видна ошибка. Восемь лет назад я решила бы, что он заранее ищет мою слабую точку. Теперь я спросила, зачем нужен второй ракурс.

— Чтобы не спорить о моменте переноса веса, — ответил он. — Если он понадобится. Без твоего согласия камеру не ставим.

— Ставьте. Только на технический разбор, без передачи рекламному отделу.

Антон записал ограничение в отчет и дал команду начинать.

Первые двадцать минут мы работали отдельно. Я проверила скорость, переходы, вращение на комфортной оси и несколько связок из своей заявки. Правый голеностоп отвечал предсказуемо. После субботних тестов икроножная мышца напоминала о нагрузке, но движение не менялось, боли не было.

Максим не следил за мной постоянно. Он выполнял собственную разминку, возвращался к одному и тому же выходу и дважды смотрел запись у ассистента. Я заметила, что он убрал один быстрый поворот из последовательности. Почему — не знала и не спрашивала.

По команде Антона мы встали на параллельные траектории без касания.

— Восемь метров между вами, — сказал он. — Два прохода. Потом четыре метра. Скорость средняя.

На первом проходе я пришла к линии раньше Максима. На втором задержала начало и опоздала.

— Вы оба подстраиваетесь, — сказал Антон. — Нужен один темп. Кто задает?

— Первый участок Максим, — ответила я. — На смене я.

Максим посмотрел на меня.

— Как в заявке?

— Как в заявке.

Он отсчитал начало. На этот раз мы пересекли линию одновременно. Расстояние сократили до четырех метров, затем до двух. Я замечала его боковым зрением и не поворачивала голову раньше положенного. Два метра оставляли достаточно места, чтобы исправить ошибку самостоятельно.

— Простой хват, — сказал Антон. — Без переноса веса. Сначала стоя у борта. Максим снял перчатку с правой руки.

— Где удобно?

— Предплечье. Не ладонь.

Он протянул руку и остановил ее на расстоянии. Я сама положила пальцы на его предплечье. Через ткань чувствовалось движение мышц, когда он проверил устойчивость позиции. Ничего опасного в ней не было: оба стояли на двух ногах, Антон находился рядом. И все же я перенесла вес на правую сторону до команды.

— Стоп, — сказал Максим.

Он сразу убрал руку и отъехал на полметра.

— Причина? — спросил Антон.

— Разное время переноса веса, — ответил Максим. — Я еще не начал движение, Алина уже подготовила выход.

— Потому что ты изменил положение плеча.

— Да. Перед тем как двигаться. Ты отреагировала раньше.

Антон показал ассистенту включить запись. На экране было видно: Максим только разворачивал корпус, а моя правая нога уже принимала нагрузку.

— Еще раз без движения, — сказала я.

Мы вернулись в позицию. На этот раз я ждала команды. Максим изменил плечо, и правый голеностоп напрягся раньше, чем требовалось. Я удержала положение, но общий старт получился жестким.

— Слишком много контроля в точке, где мы еще стоим, — сказал Максим.

— Назови техническую ошибку.

— Ты фиксируешь правую ногу до начала. Из-за этого первый шаг короче.

Он не сказал, что я боюсь. Не сослался на старую травму. Назвал то, что увидел на записи.

— Уберем хват, — решила я. — Сначала тот же рисунок рядом. Потом вернем контакт.

Мы прошли участок без касания четыре раза. На третьем я перестала заранее удерживать правую сторону. На четвертом Максим изменил выход, и я успела ответить после его движения, не до него.

— Сделаем с музыкой, — предложил он.

Антон включил фрагмент из заявки. Первый раз мы вошли каждый в свою долю: Максим считал по сильным ударам, я — по окончанию музыкальной фразы. Раньше мы решали такую разницу без слов, потому что знали привычки друг друга. Теперь Антон остановил запись на месте расхождения.

— У вас два счета начала, — сказал он.

— Мой по партитуре, — ответила я.

— Мой по движению ансамбля, — сказал Максим. — Они выходят из центра на сильную долю. Если я начинаю позже, путь пересекается.

Я посмотрела на общий рисунок. В моей заявке ансамбль заканчивал выход раньше, но после сокращения вступления его последний ряд действительно оставался у центральной линии.

— Тогда беру твой счет до пересечения, — сказала я. — Смену ведения оставляем по фразе.

— Успеешь перейти?

— Если не будешь увеличивать скорость на последних двух шагах.

— Проверим.

Мы сделали проход с музыкой. Максим сохранил темп, я перешла на свою фразу без задержки. Во второй попытке он слегка увеличил дугу, освобождая мне место, но не сообщил об этом заранее.

— Стоп.

Мы разошлись.

— Ты изменил рисунок, — сказала я.

— На полметра. Ты подходила к моей траектории.

— Именно поэтому изменение надо назвать до движения.

— Принято. Возвращаю исходную дугу. Ты сокращаешь свой второй шаг или оставляешь?

Я просмотрела запись. Мой второй шаг был длиннее, чем на первом проходе. Максим исправил возможное пересечение, но сделал это привычным способом: увидел риск и изменил собственное действие без предупреждения.

— Сокращаю, — сказала я. — Но в следующий раз сначала говоришь.

— Да.

Это была небольшая рабочая правка, не нарушение договора. И все же я записала ее в свой отчет. Старые привычки редко возвращались сразу в крупном решении. Сначала они появлялись на полметра.

— Теперь контакт? — спросил Антон.

Я посмотрела на время. До конца льда оставалось двадцать семь минут. По первоначальному плану мы могли перейти к позиции перед простой низкой поддержкой, но самого элемента сегодня не было.

— Только хват и шаги, — сказала я. — Без подготовки к поддержке.

— Принято, — ответил Антон.

Максим снова остановил руку на расстоянии. Я взяла его за предплечье. Первый проход получился ровным, на втором я ускорила смену направления. Он отпустил сразу, как только я сказала «стоп».

— Техническая, — сказала я Антону. — Я начала раньше музыки.

— Повторяете?

— Один раз.

Мы повторили и закончили без остановки. Максим не предложил добавить сложность, хотя времени хватало.

У борта Антон заполнил отчет.

— Реакция после нагрузки?

Я прошла несколько шагов, проверила движение и опору.

— Боли нет. Усталость обычная после первого совместного часа. В отчет: поддержек не выполняли, на следующем льду начинаем с этого же уровня.

— Согласен, — сказал Максим.

Он расписался в своей строке. Я — в своей.

Мы ушли со льда через разные калитки. В раздевалке я сняла правый ботинок, проверила кожу и движение сустава, затем внесла ответ в личный план Елены Сергеевны. Никаких новых симптомов не было. Это не означало, что следующий этап разрешен. Только подтверждало результат сегодняшнего.

Андрей ждал в коридоре после раздевалок. Он не спрашивал о боли при Максиме. Сначала сверил общий отчет, потом пригласил меня в медицинскую комнату и закрыл дверь.

— Назовите показатели своими словами, — попросил он.

— Боли нет. Неустойчивости нет. В двух первых попытках заранее фиксировала правую сторону, из-за этого укорачивала шаг. После перехода на движение без контакта техника вернулась к обычной. Усталость умеренная.

— Изменение было только в конкретной позиции?

— Сначала в хвате, потом один раз без него, когда Максим изменил выход. Отдельно тот же шаг выполняю без фиксации.

Он проверил движение и попросил пройти короткую последовательность без коньков. Правая сторона не уходила, но после льда я медленнее стабилизировалась на последнем шаге.

— Для первого часа допустимо, — сказал Андрей. — Сегодня больше не показываете движения ученикам на полной амплитуде. Завтра утром отвечаете на четыре вопроса из плана. Если появляется боль, отек или чувство нестабильности, сообщаете сразу, не ждете следующей репетиции.

— Следующий лед оставляем?

— В календаре оставляем. Решение о нагрузке подтверждаем после утреннего ответа.

— Производство получит детали?

— Получит статус: выполнено в пределах плана, требуется контроль реакции. О фиксации ноги я напишу как о техническом наблюдении без психологических выводов.

Я просмотрела запись перед отправкой. В строке «причина» стояло: «Преждевременная подготовка опоры в партнерской позиции; устранена после отдельного прохода и повторного согласования начала». Формулировка не делала из одного движения диагноз и не скрывала его.

Когда я вышла, Максим стоял у автомата с водой. Он посмотрел на мой экземпляр, но не спросил о результате осмотра.

— У нас встреча у Веры через десять минут, — сказал он. — Если тебе нужен перерыв, я попрошу сдвинуть.

— Мне не нужен. Врач подтвердил, что сегодня больше не работаю на льду. Разговор не запрещен.

— Тогда идем?

— Идем.

Он не превратил мое согласие на разговор в вопрос о допуске к следующему элементу. Эту информацию я сообщила бы сама после утренней проверки.

После репетиции Вера собрала нас в комнате постановочной группы. На стене висел экран, под ним стоял длинный стол с разложенными схемами декораций. Антон передал отчет врачу производства и подтвердил, что мы остались в пределах допуска.

— Теперь визуальная задача, — сказала Вера. — Рекламный отдел собирает внутреннюю презентацию центрального номера. Опубликовать пока ничего не будем.

Она включила первый слайд. На нем были наши фамилии, даты и рисунок из заявки. Второй показывал предполагаемый свет. На третьем появилась фотография восьмилетней давности.

Максим держал меня в высокой вращательной поддержке. Кадр сделали за несколько недель до нашей последней репетиции, когда элемент еще считался главным в новой программе. На фотографии моя правая нога была вытянута точно по линии, которую после операции я больше не проверяла на полной скорости.

Я посмотрела на подпись. «Визуальный ориентир финала».

— Этот кадр не входит в материалы нового договора, — сказала я.

— Это внутренняя ссылка для художника по свету, — ответила Вера. — Мы не используем ее публично.

— Вопрос не только в публикации. Вы предлагаете повторить силуэт?

— Предлагаю найти финал такого же масштаба. Конкретный элемент обсуждаем после медицинского и технического согласования.

— Старую поддержку мы не рассматриваем.

Вера перевела взгляд на Максима.

— Я тоже ее не рассматриваю, — сказал он. — Она не нужна этому номеру и не входит в текущий допуск.

— Тогда к среде принесите альтернативу, которая работает на большой площадке, — ответила Вера. — Если ее нет, финальный кадр поставит штатная группа.

Она оставила фотографию на экране. Я не стала просить выключить ее и не спорила с тем, что большой зал требует ясного финала. У нас было двое суток, чтобы доказать: зрелищность не обязана повторять движение, которое уже однажды стоило мне работы.

В коридоре Максим догнал меня у стойки администратора.

— Когда обсуждаем альтернативу?

— Завтра в семь тридцать. Сначала без льда. Я пришлю два варианта входа.

— У меня есть третий.

— Пришли до шести. Не Вере, мне и в общую папку авторов.

— Хорошо.

Я застегнула пальто.

— И сегодняшняя дуга. Ты изменил ее из-за возможного пересечения.

— Да.

— Восемь лет назад ты назвал бы это мелочью, которую быстрее исправить самому.

— Сегодня я назвал причину у борта.

— После остановки.

— Поэтому в следующий раз скажу до движения.

Он не защищал полметра как доказательство своей правоты и не просил считать короткий ответ переменной. Мы договорились о следующем действии. Этого хватало до завтра.

В машине я не поехала сразу. Открыла медицинскую форму и внесла время окончания льда, длительность контакта, число остановок и свое состояние. В графе «эмоциональная готовность» не было оценки доверия к Максиму. Я отметила только, что заранее фиксировала правую сторону в первой позиции и перестала после отдельных проходов.

Через двадцать минут усталость оставалась прежней. Отек не появился. Я отправила отчет и поставила напоминание на утро. Ни один из этих фактов не разрешал следующую поддержку. Он показывал, как я перенесла сегодняшний час.

Ирина прислала журнал младшей группы. Она провела все демонстрации, я руководила с борта. Двое детей сначала спрашивали, почему Алина Сергеевна сегодня не показывает сама. Ирина ответила, что тренеры распределяют роли по плану занятия. Не рассказала им о моем возвращении в шоу или старой операции.

— Дополнительный час внесла, — сказала она по телефону. — Завтра ты возвращаешься к обычным показам?

— Если утренняя форма без изменений, к обычному объему студии. Полные связки все равно показываем по очереди с Ксенией.

— Хорошо. А Максим?

Вопрос был личным, но Ирина задала его после рабочего ответа.

— Выполнил план. Остановил при расхождении и отпустил по моему сигналу.

— Я спрашивала не только про план.

— Другого ответа сегодня нет.

— Тогда не буду придумывать.

Она закончила разговор. Мне не пришлось защищать Максима или объяснять, почему согласилась работать. Даже близкий человек мог оставить неизвестное неизвестным.

Дома я открыла внутреннюю презентацию с архивной фотографией. Не увеличивала снимок и не искала по положению ноги доказательство, когда именно началась травма. Проверила только подпись и доступ. Кадр находился во внутренней папке, публикации не было. Мое требование исключить старую поддержку уже стояло в протоколе встречи.

Затем создала три технических варианта нового финала. В каждом отметила, кто задает направление, где появляется контакт и до какого счета можно остановиться без изменения

опоры. Старый силуэт отсутствовал во всех трех. Вера могла отклонить их как слишком мелкие, но не могла сказать, что мы принесли один отказ без работы.

Максим загрузил свой вариант в общую папку в пять пятьдесят восемь следующего утра. Личного сообщения не было. Мы оба пришли к следующей встрече с решениями, которые требовалось сравнить, а не с обещаниями быть осторожнее.

ГЛАВА 5. Старый элемент

Во вторник в семь двадцать четыре я открыла общую папку авторов. Максим загрузил свой вариант в пять пятьдесят восемь, а под ним оставил одну строку: «Без отрыва от опоры. Направление задаешь ты».

Я не стала смотреть запись на телефоне. Поставила ноутбук на край стола, убрала из кадра кружку и запустила ролик на полном экране.

Максим снимал себя в пустом зале. Вместо меня у него была стойка с перекладиной, обмотанной серым поролоном. Восемь счетов быстрой дорожки заканчивались сменой направления. Потом он отступал, пропускал воображаемую партнершу вперед и принимал ее вес на предплечье. Высоты не было. Вращения тоже. Масштаб создавался тем, что движение расходилось в разные стороны: партнерша продолжала дугу, он удерживал центр, а свет мог развернуться за ними.

Я посмотрела дважды. На третьем просмотре остановила запись перед контактом.

Рядом лежали мои два варианта. Я составила для них короткую таблицу: что видит дальняя трибуна, где находится правая опора, кто начинает контакт, можно ли остановиться за счет до него. В первом варианте остановка была возможна в любой момент, но финал распался на две отдельные фигуры. Во втором мы встречались в центре, зато мой выход зависел от того, успеет ли Максим развернуть меня за один счет. Его запись решала проблему масштаба, но возвращала прежнюю последовательность: он готовил движение, я входила в уже принятое решение.

В договоре этого не запрещали. Врач тоже не оценивал смысл постановки. Можно было заменить высоту на низкое положение, сохранить старую подготовку и назвать результат безопасной версией. Тогда я получила бы удобное решение для презентации и каждый раз подходила бы к нему с вопросом, в какой момент Максим снова начнет решать за двоих.

Я удалила из своего второго варианта последний разворот. Не потому, что он был опасен сам по себе. Он повторял ту же логику другими шагами.

В варианте Максима вход начинался с того же шага, что и старая поддержка.

Он не повторял запрещенный элемент, но использовал знакомое ожидание. Зритель, видевший наши прежние программы, мог узнать подготовку и решить, что сейчас я окажусь над его плечом. После этого движение уходило вниз и вперед. Для Веры такой прием был выгоден: прежний образ сохранялся без буквального повтора. Для меня в нем оставалась другая проблема. Я слишком хорошо знала этот разгон и темп: на рабочей скорости после определенного счета отменить вход без риска для обоих уже нельзя.

В семь тридцать Максим вошел в комнату постановочной группы. Он принес два стакана кофе, один поставил на свободный край стола.

— Я не просила.

— Знаю. Этот без молока и сахара. Если не нужен, выпью сам.

Я подвинула стакан к нему.

— Сначала работа.

— Поэтому я здесь.

Я развернула экран.

— Конец годится. Вход нет.

— Он не требует высоты.

— Вопрос не в высоте. До контакта ты оставил старый рисунок.

— На два счета.

— Достаточно.

Он сел напротив и включил запись без звука.

— Если убрать узнаваемую подготовку, Вера скажет, что мы принесли обычную низкую поддержку.

— Тогда изменим не только конец. Пусть ожидание строится не на подъеме.

— На чем?

Я открыла свою схему. В первом варианте мы расходились после дорожки, во втором менялись местами и возвращались в центр по встречным дугам. Оба были безопаснее старого захода. Оба терялись в большом пространстве, если смотреть не с первого ряда.

— На смене ведущего, — сказала я. — В начале номера ты задаешь путь. В финале я меняю направление, а ты принимаешь его. Не мой вес. Решение.

Максим провел пальцем по схеме, не касаясь экрана.

— Если ты выходишь вперед на этом счете, мне придется идти спиной к дальней трибуне.

— Полтора счета. Потом разворот.

— Увидят твою скорость, но не увидят, зачем я остановился.

— Ты не останавливаешься. Ты меняешь ось.

— Без контакта это будет два сольных куска.

Он был прав. Я увеличила схему и добавила точку встречи.

— Контакт после моей смены ребра. До нее ты ко мне не тянешься.

— Тогда я не могу начать за тебя вход.

— В этом смысл.

Максим посмотрел на меня, потом вернулся к экрану.

— Покажи на полу.

Мы отодвинули два стула. Я отметила край условного борта папкой, музыкальный центр — ножкой стола. На паркете нельзя было проверить скольжение, зато последовательность решений становилась видна без скорости.

Первые восемь счетов вел Максим. На девятом я прошла перед ним, поменяла линию и подняла левую руку. Он должен был войти сбоку, принять мое предплечье и поддержать поворот корпуса, пока я оставалась на правой ноге.

На первом проходе он коснулся меня раньше.

— Стоп.

Максим сразу убрал руку.

— Я страховал переход.

— Ты вернул себе управление до того, как я закончила смену.

— Потому что на льду этот шаг будет быстрее.

— На льду мы сначала проверим его без контакта.

— Хорошо. Еще раз.

Во втором проходе он дождался поднятой руки. Я закончила поворот и сама вложила предплечье в его ладонь. Движение стало короче и яснее. Зритель видел причину контакта: я выбирала направление, а партнер успевал его поддержать.

— Это можно развить, — сказал Максим.

— Только после отдельного допуска.

— Я говорю о рисунке.

— Тогда да.

Мы вернули стулья на место. Я открыла новый документ и назвала его «Рабочий протокол дуэта».

— Договор уже содержит медицинские ограничения, — сказал Максим.

— Договор определяет ответственность производства. Нам нужна процедура на репетиции.

— Антон ведет отчет.

— Антон отвечает за лед. Он не решает за нас, что можно отправлять Вере как общую позицию.

Максим кивнул.

Я записала первый пункт: «Любой из партнеров вправе остановить выполнение словом “стоп”. Объяснение дается после прекращения движения. Спор о причине не отменяет остановку».

— Последняя фраза звучит так, будто мы заранее ждем спора, — сказал он.

— Мы заранее описываем порядок.

— Оставляй.

Второй пункт запрещал добавлять новый элемент, менять вход, скорость или способ контакта без фиксации в репетиционном листе. Если изменение влияло на нагрузку, требовалось подтверждение врача и технического руководителя.

На третьем Максим остановил меня.

— «Никаких писем от имени дуэта без согласия обоих» недостаточно.

— Почему?

— Можно не ответить и потом сказать, что согласия не было.

— Отсутствие ответа и есть отсутствие согласия.

— Для обычного письма — да. Для срочного решения нужен срок.

Я подумала и добавила: проект внешнего обращения размещается в общей папке, ответ дается в течение двадцати четырех часов. В срочном случае оба подтверждают текст в рабочем чате. Молчание не считается согласием. При разногласии ни одна из версий не отправляется от имени дуэта; позиции передаются отдельно и с указанием автора.

— Так точнее, — сказал Максим.

— Подписываем после проверки юристом производства.

— Это наш внутренний документ.

— Тем более формулировки не должны допускать двух толкований.

Он взял свой кофе, попробовал и поморщился.

— Холодный.

— Ты принес его двадцать минут назад.

— Двадцать семь.

— Значит, причина установлена.

Я закрыла документ, прежде чем короткая улыбка успела стать чем-то большим, чем реакция на точный ответ.

К девяти мы собрали видеосхему финала. Максим убрал старый вход полностью. Я добавила вторую смену направления, чтобы дорожка читалась с боковых секторов. Контакт занимал четыре счета. На последнем я продолжала движение: сама выходила из поддержки и останавливалась на своей линии. Финальный кадр определяли расстояние между нами и отказ от высоты.

Вера посмотрела материалы в тот же день и ответила через девятнадцать минут: «На схеме умно. На льду может оказаться мелко. Проверка завтра, 18:30. Нужна медицинская процедура для нового контакта».

Я переслала схему Елене Сергеевне и врачу производства. В письме перечислила нагрузку без художественных объяснений: скорость входа, опорная нога, длительность контакта, положение корпуса, отсутствие вращения в воздухе, планируемый выход. Максим добавил видео своего прохода, но не менял мой текст.

Ответ Елены Сергеевны пришел после обеда. Она не давала разрешение по ролику. Предложила порядок проверки: сначала движение без партнера, потом статическое положение у борта, затем контакт на малой скорости. К следующему этапу можно переходить только при

устойчивой опоре, неизменной технике и отсутствию боли. Решение о полном варианте — после очной оценки врача производства на площадке.

Я внесла ее условия в репетиционный лист. Максим подтвердил каждый пункт одним сообщением: «Принял. Самостоятельно этапы не объединяю».

В среду до репетиции я провела две группы в «Линии». Лида оставила на моем столе список из одиннадцати родителей, которые уже спрашивали о декабре. Она отвечала всем одинаково: занятия до тридцатого ноября идут по расписанию, новое место обсуждается, платежи за декабрь студия пока не принимает.

— Одна мама написала в общем чате, что каток нас выселяет, — сказала Лида.

— Удалила?

— Нет. Ответила фактами и попросила не пересылать непроверенное. Ты же сама сказала ничего не прятать.

— Правильно.

Слово «выселяет» было неточным, но понятным. Чужое решение лишало нас основного времени, а замена существовала пока только в коммерческом предложении. Я назначила собрание сотрудников на пятницу и попросила Лиду найти свободный зал на пятьдесят человек. После него нужно было говорить с родителями, не дожидаясь, пока каждый слух обрстет удобными подробностями.

В шестнадцать десять закончилась группа Сони. Она дважды ошиблась на одном повороте и в третий раз вместо линии посмотрела на Ирину у борта.

— Еще один проход, — сказала я. — Только до входа.

— Я могу целиком.

— Можешь. Но сейчас мне нужен чистый вход.

Она выполнила его без ошибки. Я отпустила ее переодеваться и не стала спрашивать, что произошло. Если дело касалось льда, ребенок мог сказать сам. Если семьи — тем более.

Ирина дождалась, пока дети покинут лед.

— Они уже знают, — сказала она.

— Знают неточную версию.

— Для них любая версия точная, если взрослый сказал уверенно.

Я передала ей пятничное расписание: сначала сорок минут с сотрудниками, потом встреча с родителями. Отдельно указала, какие документы покажу и какие суммы нельзя выносить в общий зал из-за персональных выплат.

— Ты скажешь про шоу? — спросила Ирина.

— Скажу, что у меня есть отдельный договор и что предполагаемый доход может пойти на новую арену. Точную сумму сотрудникам покажу. Родителям — только сумму обязательств студии и подтвержденный график платежей, когда он появится.

— А если спросят, почему мы зависим от твоего личного контракта?

— Отвечу, что это временный источник, а не финансовая модель на год. И что он пока не обеспечивает всю операционную работу.

— Хорошо.

Она не похвалила меня за честность. После прошлой недели это было бы преждевременно.

— Ксения получила часы на четверг? — спросила я.

— Получила. Она согласна остаться до конца ноября, но хочет понимать декабрь не позднее пятнадцатого октября.

— Внеси срок в протокол сотрудников. Если к пятнадцатому нет договора и расписания, она свободна принимать другое предложение без претензий с моей стороны.

Ирина посмотрела на меня внимательнее.

— Ты готова это записать?

— Да. Устное спокойствие не оплачивает ей декабрь.

Я знала цену такому обещанию. Если договор с новым катком затянется, Ксения могла уйти именно тогда, когда понадобится перестраивать все группы. Но удерживать тренера неопределенностью означало перекладывать мой риск на ее доход.

В семнадцать тридцать я выехала на репетиционную арену. За час до проверки успела поесть, перечитать лист нагрузки и созвониться с Ириной. В студии оставались вечерние группы. Никаких решений без меня сотрудникам принимать не требовалось.

Врач производства Мария Андреевна встретила нас у медицинской комнаты. Она сверила заключение Елены Сергеевны с нашим описанием и попросила показать движение сначала на полу.

— Художественное название мне не нужно, — сказала она. — Кто несет вес и в какой момент?

— До контакта каждый идет на своей опоре, — ответила я. — После сигнала Максим поддерживает предплечье и корпус. Подъема выше его талии нет. Выход выполняю сама.

— Правая нога остается опорной?

— На входе да. Внутри движения вес переходит на левую. Поэтому сначала проверяем смену без контакта.

Максим показал положение рук.

— Не тяну вверх. Ограничиваю уход корпуса наружу.

— На проверке не будете доказывать зрелищность, — сказала Мария Андреевна. — Ваша задача — получить наблюдаемый ответ на малой нагрузке. Если кто-то ускорится ради Веры, закончим.

— Поняла, — сказала я.

— Согласен, — ответил Максим.

Антон уже подготовил лед и поставил камеру напротив дальней трибуны. Вера сидела на нижнем ряду с художником по свету и не подошла к борту. Это было правильно: медицинская проверка не нуждалась в продюсерском давлении.

Я размялась отдельно. Мария Андреевна проверила движение правого сустава и попросила выполнить серию переходов на каждой ноге. Потом я прошла наш финальный участок без Максима: сначала медленно, затем в рабочем темпе до точки предполагаемого контакта. На правой ноге я держала ось без дрожания, выход на левую не сокращала.

— Субъективная оценка? — спросила врач.

— Боли нет. Усталость справа на два из десяти. Не нарастает.

— Техника изменилась? — спросил Антон.

— Нет.

Мы перешли к борту. Максим занял свое место, я выполнила смену опоры почти без движения. После моего сигнала он взял меня за предплечье и поставил вторую руку сбоку на корпус. Я проверила, могу ли выйти без его помощи.

— Еще раз, — сказала Мария Андреевна. — На входе не задерживайте дыхание.

Я повторила. На этот раз заметила, что напрягла правое плечо до контакта.

— Стоп. Я готовлю верх раньше.

Максим отпустил меня.

— Из-за положения моей руки?

— Нет. Из-за ожидания.

— Тогда уберем вторую руку на первом движении.

— Не меняем схему во время этапа, — напомнил Антон.

— Верно, — сказал Максим. — Предложение в лист после проверки.

Мы закончили статическую часть в исходном положении. Врач разрешила один проход на малой скорости, без подъема и без финального разворота.

Я встала у дальней синей линии. Музыка не включали. Антон отсчитывал вслух. На девятом счете я сменила направление, завершила опору и подняла руку. Максим вошел после сигнала. Его ладонь легла на предплечье, вторая удержала корпус. На два счета я позволила ему принять часть веса, затем перенесла вес на левую ногу и вышла вперед.

Никакого рывка не было. Правая нога не ушла внутрь. Максим не продлил контакт, когда увидел, что я могу продолжить.

— Реакция? — спросила Мария Андреевна.

Я проехала до борта и проверила опору.

— Боли нет. Усталость прежняя. На входе верх снова напрягся раньше, но меньше.

— Сегодня полный вариант не делаем, — решила она. — Контакт на малой скорости допустим в той же длительности. Разворот и увеличение темпа — после двух повторов без защитного изменения техники. Если напряжение в плече сохранится, меняете рисунок, а не привыкаете к нему.

Вера подошла только после того, как врач закончила запись.

— Можно посмотреть художественную версию?

— Сегодня только разрешенный этап, — ответила я.

— Тогда покажите, что уже есть. Я не буду просить ускорить.

Мы повторили проход два раза. Вера посмотрела запись с дальней камеры и попросила включить схему света. Белая полоса прошла по льду за моей спиной, затем сменила направление вместе со мной. На момент контакта Максим оставался в затемненной части, поэтому движение выглядело так, будто он просто подхватил меня у края светового рисунка.

— Его решение не читается, — сказала Вера. — Видно тебя, потом внезапно появляется партнер. Это не финал дуэта.

— Свет можно развернуть на счет раньше, — ответил художник.

— Тогда потеряем смену ведущего.

Максим взял планшет, но не начал рисовать.

— Алина, если после твоего выхода я пересекаю прежнюю линию и только потом принимаю контакт, ты успеешь завершить смену?

Я мысленно прошла последовательность.

— Успею. Но ты окажешься ближе к моей правой стороне.

— Не ближе, чем сейчас. Я меняю путь до контакта, не точку встречи.

— Покажи на схеме.

Он провел новую дугу. В ней не было медицинского изменения: расстояние и положение рук сохранялись, скорость не увеличивалась. Менялся только его маршрут до встречи. По нашему протоколу даже такую правку следовало сначала зафиксировать.

Я внесла ее в лист и показала Антону. Он проверил пересечение. Мария Андреевна решила пройти новый маршрут без контакта.

На льду стало ясно, зачем Максим отступал. Я меняла направление и занимала центр, он пересекал оставленную мной линию и возвращался как партнер, принявший мой выбор. Когда свет развернулся, мы оба оказались в нем до касания.

Вера поднялась на два ряда выше.

— Теперь вижу номер, — сказала она. — Поддержка все еще маленькая.

— Полный вариант сегодня не разрешен, — напомнил Максим.

— Я слышала. Мне нужен срок, когда можно оценить целиком.

Мария Андреевна посмотрела в лист.

— При неизменной реакции на двух следующих репетициях можно проверить разворот. Окончательное решение зависит от фактического выполнения, не от даты.

— Закрытый показ первого октября, — сказала Вера. — До него оставляем финал у вас. Если на показе он не работает с дальней точки, завершающую сцену забирает штатная группа. Медицинские рамки не обсуждаются. Художественный результат — обсуждается.

Это не было угрозой заставить меня подняться выше допуска. Вера давала срок на задачу, за которую платила. Если мы не могли решить ее безопасно, она имела право поручить финал другим.

— Принимаю, — сказала я.

— Я тоже, — ответил Максим.

— Постановочный план с сегодняшними изменениями нужен завтра до четырнадцати. После приемки бухгалтерия проведет первый платеж по вашим договорам.

Так у творческого решения появилась точная цена. От принятого плана зависели не только наши фамилии в программе, но и деньги, которыми я рассчитывала удержать новый лед.

Вера попросила пройти в постановочную комнату и вывела запись на большой экран. С дальней камеры наш финал занимал меньше трети ширины льда. Свет увеличивал рисунок, но не мог скрыть паузу между дорожкой и контактом.

— Пауза медицинская? — спросила Вера.

— Нет, — ответила я. — Мы оставили запас, потому что сегодня проверяли только этап.

— Тогда в постановочном плане ее быть не должно. Даже если на льду вы пока делаете медленнее.

Максим поставил метку на записи.

— Полный темп уберет один счет. Еще один можно заполнить встречным движением корпуса.

— Встречным или прежним? — спросила я.

Он понял, о чем я говорю.

— Не прежним. Я не начинаю подъем. Показываю сопротивление твоему направлению, потом принимаю его.

— Тогда это выглядит так, будто ты сначала пытаешься меня остановить.

— А разве номер не об этом?

— Номер о том, что двое договариваются, а не о том, что один победил.

Вера остановила запись на кадре перед касанием.

— Вы сейчас спорите о понятном зрителю действию, — сказала она. — Это полезнее, чем спор о символах. Что конкретно делает каждый?

Я подошла к экрану.

— Я меняю общую линию и оставляю ему место войти рядом.

— Он?

— Сначала проверяет, что путь действительно изменился. Потом поддерживает продолжение.

— Как проверяет? Взглядом публика с верхнего ряда не увидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.